

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 19. СТИХИ.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

Тарковский Арсений Александрович (1907 - 1989), поэт.

Родился 12 июня (25 н. с.) в Елизаветграде в семье народовольца. Детские и юношеские годы пришлось на трудную пору российской истории, что будущий поэт испытал в полной мере. В 1920-е Тарковский живет в Москве, с 1924 работает в редакции газеты "Гудок", в течение двух лет ведет отдел стихотворного фельетона.

В 1925 поступает учиться на Высшие государственные литературные курсы, которые оканчивает в 1929. С 1932 активно занимался переводами. Ему принадлежат переводы стихов с туркменского, армянского, грузинского, арабского языка. Свои стихотворения Тарковский долго не публикует, они появляются в печати, когда поэту уже 50 лет. Затем в течение двадцати лет были непечатаны стихи, составившие шесть поэтических сборников: "Перед снегом" (1962); "Земле земное" (1966); "Вестник" (1969); "Стихотворения" (1974); "Зимний день" (1980); "Избранное" (1982). В 1983 выходят "Стихи разных лет", объединившие лучшие из напечатанных. Последняя книга поэта - "От юности до старости".

Умер А. Тарковский в 1989 в Москве.

Арсений Тарковский. Стихи разных лет

х х х

Ночью медленно время идет,
Завершается год високосный.
Чуют жилами старые сосны
Вешних смол коченеющий лед.

Хватит мне повседневных забот,
А другого мне счастья не надо.
Я-то знаю: и там, за оградой,
Чей-нибудь завершается год.

Знаю: новая роща встает
Там, где сосны кончаются наши.
Тяжелы черно-белые чаши,
Чуют жилами срок и черед.

х х х

Был домик в три оконца
В такой окрашен цвет,
Что даже в спектре солнца
Такого цвета нет.

Он был еще спектральной,
Зеленый до того,
Что я в окошко спальни
Молился на него.

Я верил, что из рая,
Как самый лучший сон,
Оттенка не меняя,
Переместился он.

Поныне домик чудный,
Чудесный и чудной,
Зеленый, изумрудный,
Стоит передо мной.

И ставни затворяли,
Но иногда и днем
На чем-то в нем играли,
И что-то пели в нем,

А ночью на крылечке
Прощались и впотьмах
Затепливали свечи
В бумажных фонарях.

х х х

Мне другие мерещатся тени,
Мне другая поет нищета.
Переплетчик забыл о шагрене,
И красильщик не красит холста,

И кузнечная музыка счетом
На три четверти в три молотка
Не проявится за поворотом
Перед выездом из городка.

За коклюшки свои кружевница
Под окном не садится с утра,
И лудильщик, цыганская птица,
Не чадит кислотой у костра,

Златобит молоток свой забросил,
Златошвейная кончилась нить.
Наблюдать умиранье ремесел -
Все равно что себя хоронить.

И уже электронная лира
От своих программистов тайком
Сочиняет стихи Кантемира,
Чтобы собственным кончить стихом.

х х х

Меркнет зрение - сила моя,
Два незримых алмазных копья;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,

Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

х х х

Душу, вспыхнувшую на лету,
Не увидели в комнате белой,
Где в перстах милосердных колдуний
Нежно теплилось детское тело.

Дождь по саду прошел накануне,
И просохнуть земля не успела;
Столько было сирени в июне,
Что сияние мира синело.

И в июле, и в августе было
Столько света в трех окнах, и цвета,
Столько в небо фонтанами било
До конца первозданного лета,
Что судьба моя и за могилой
Днем творенья, как почва, прогрета.

х х х

Влажной землей из окна потянуло,
Укусной прелью хмельнее вина;
Мать подошла и в окно заглянула,
И потянуло землей из окна.

- В зимней истоме у матери в доме
Спи, как ржаное зерно в черноземе,
И не заботься о смертном конце.

- Без сновидений, как Лазарь во гробе,
Спи до весны в материнской утробе,
Выйдешь из гроба в зеленом венце.

х х х

Я тень из тех теней, которые, однажды
Испив земной воды, не утолили жажды
И возвращаются на свой тернистый путь,
Смущая сны живых, живой воды глотнуть.

Как первая ладья из чрева океана,

Как жертвенный кувшин выходит из кургана,
Так я по лестнице взойду на ту ступень,
Где будет ждать меня твоя живая тень.

- А если это ложь, а если это сказка,
И если не лицо, а гипсовая маска
Глядит из-под земли на каждого из нас
Камнями жесткими своих бесслезных глаз...

х х х

Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев,
Опустошенные, сплюснутые пузыри кислорода,
Кровли птичьих гнездовий, опора летнего неба,
Крылья замученных бабочек, охра и пурпур надежды
На драгоценную жизнь, на раздоры и примиренья.
Падайте наискось наземь, горите в кострах, дотлевайте,
Лодочки глупых селфи, у нас под ногами. А дети
Северных птиц улетают на юг, ни с кем не прощаясь.
Листья, братья мои, дайте знак, что через полгода
Ваша зеленая смена оденет нагие деревья.
Листья, братья мои, внушите мне полную веру
В силы и зренье благое мое и мое осязанье,
Листья, братья мои, укрепите меня в этой жизни,
Листья, братья мои, на ветвях удержитесь до снега.

х х х

В последний месяц осени, на склоне
Суровой жизни,
Исполненный печали, я вошел
В безлиственный и безымянный лес.
Он был по край омыт молочно-белым
Стеклом тумана. По седым ветвям
Стекали слезы чистые, какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.
И тут случилось чудо: на закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Как птичьей песни легкое копье,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,

Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

ФЕОФАН ГРЕК

Когда я видел воплощенный гул
И меловые крылья оживали,
Открылось мне: я жизнь перешагнул,
А подвиг мой еще на перевале.

Мне должно завещание могил,
Зияющих как ножевая рана,
Свести к библейской резкости белил
И подмастерьем стать у Феофана.

Я по когтям узнал его: он лев,
Он кость от кости собственной пустыни,
И жажду я, и вижу сны, истлев
На раскаленных углях благостыни.

Я шесть веков дышу его огнем
И ревностью шести веков изранен.
- Придешь ли, милосердный самарянин,
Повить меня твоим прохладным льном?

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

Не искал ни жилища, ни пищи,
В ссоре с кривдой и с миром не в мире,
Самый косноязычный и нищий
Изо всех государей Псалтыри.

Жил в сродстве горделивый смиренник
С древней книгою книг, ибо это
Правдолюбия истинный ценник
И душа сотворенного света.

Есть в природе притин своеволью:
Степь течет оксамитом под ноги,
Присыпает сивашскою солью
Черствый хлеб на чумацкой дороге,

Птицы молятся, верные вере,
Тихо светят речистые речки,
Домовитые малые звери
По-над норами встали, как свечки.

Но и сквозь обольщения мира,
Из-за литер его Алфавита,
Брезжит небо синее сапфира,
Крыльям разума настезь открыто.

х х х

Мир ловил меня, но не поймал.
Автоэпитафия Гр.Сковороды

Где целовали степь курганы
Лицом в траву, как горбуны,
Где дробно били в барабаны
И пыль клубили табуны,

Где на рогах волы качали
Степное солнце чумака,
Где горькой патокой печали
Чадил костер из кизяка,

Где спали каменные бабы
В календаре былых времен
И по ночам сходились жабы
К ногам их плоским на поклон,

Там пробирался я к Азову:
Подставил грудь под суховея,
Босой пошел на юг по зову
Судьбы скитальческой своей,

Топтал чабрец родного края
И ночевал - не помню где,
Я жил, неволью подражая
Григорию Сковороде,

Я грыз его благословенный,
Священный, каменный сухарь,
Но по лицу моей вселенной
Он до меня прошел, как царь;

Пред ним прельстительные сети
Меняли тщетно цвет на цвет.
А я любил ячейки эти,
Мне и теперь свободы нет.

Не надивуюсь я величью
Счастливых помыслов его.
Но подари мне песню птичью
И степь - не знаю для чего.

Не для того ли, чтоб оттуда
В свой час при свете поздних звезд,
Благословив земное чудо,
Вернуться на родной погост.

ПРИАЗОВЬЕ

На полустанке я вышел. Чугун отдыхал
В крупных шарах маслянистого пара. Он был
Царь ассирийский в клубящихся гроздьях кудрей.
Степь отворилась, и в степь, как воронкой ветров,
Душу втянуло мою. И уже за спиной
Не было мазанок; лунные башни вокруг
Зыблились и утверждались до края земли,
Ночь разворачивала из проема в проем
Твердое, плотно укатанное полотно.
Юность моя отошла от меня, и мешок
Сгорбил мне плечи. Ремни развязал я, и хлеб
Солью посыпал, и степь накормил, а седьмой
Долей насытил свою терпеливую плоть.
Спал я, пока в изголовье моем остывал
Пепел царей и рабов и стояла в ногах
Полная чаша свинцовой азовской слезы.
Снилось мне все, что случится в грядущем со мной.
Утром очнулся и землю землею назвал,
Зною подставил еще неокрепшую грудь.

ПУШКИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ

1

Что тревожишь ты меня,
Что ты значишь...

Стихи, сочиненные ночью
Во время бессонницы

Разобрал головоломку -
Не могу ее сложить.
Подскажи хоть ты потомку,
Как на свете надо жить -

Ради неба или ради
Хлеба и тщеты земной,
Ради сказанных в тетради
Слов идущему за мной?

Под окном - река забвенья,
Испарения болот.
Хмель чужого поколенья
И тревожит, и влечет.

Я кричу, а он не слышит,
Жжет свечу до бела дня,
Будто мне в ответ он пишет:
"Что тревожишь ты меня?"

Я не стою ни полслова
Из его черновика.
Что ни слово - для другого,
Через годы и века.

Боже правый, неужели
Вслед за ним пройду и я
В жизнь из жизни мимо цели,
Мимо смысла бытия?

2

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Как тот Кавказский Пленник в яме,
Из глины нищеты моей
И я неловкими руками
Лепил свистульки для детей.

Не испытал закала в печке,
Должно быть, вскоре на куски
Ломались козлики, овечки,
Верблюдики и петушки.

Бросали дети мне объедки,
Искусство жалкое ценя,
И в яму, как на зверя в клетке,
Смотрели сверху на меня.

Приспав сердечную тревогу,

Я забывал, что пела мать,
И научился понемногу
Мне чуждый лепет понимать.

Я смутно жил, но во спасенье
Души, изнывшей в полусне,
Как мимолетное виденье,
Опять явилась Муза мне,

И лестницу мне опустила,
И вывела на белый свет,
И леньность сердца мне простила,
Путь хоть теперь, на склоне лет.

3

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть...
Скупой рыцарь

В магазине меня обсчитали:
Мой целковый кассирше нужней.
Но каких несравненных печалей
Не дарили мне в жизни моей:

В снежном, полном веселости мире,
Где алмазная светится высь,
Прямо в грудь мне стреляли, как в тире,
За душой, как за призом, гнались;

Хорошо мне изранили тело
И не взяли за то ни копья,
Безвозмездно мне сердце изъела
Драгоценная ревность моя;

Клевета расстилала мне сети,
Голубевшие как бирюза,
Наилучшие люди на свете
С царской щедростью лгали в глаза.

Был бы хлеб. Ни богатства, ни славы
Мне в моих сундуках не беречь.
Не гадал мой даритель лукавый,
Что вручил мне с подарками право
На прямую свободную речь.

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...

Зимний вечер

Почему, скажи, сестрица,
Не из райского ковша,
А из нашего напиться
Захотела ты, душа?

Человеческое тело
Ненадежное жилье,
Ты влетела слишком смело
В сердце темное мое.

Тело может истомиться,
Яду невзначай глотнуть,
И потянешься, как птица,
От меня в обратный путь.

Но когда ты отзывалась
На призывы бытия,
Непосильной мне казалась
Ноша бедная моя, -

Может быть, и так случится,
Что, закончив перелет,
Будешь биться, биться, биться -
И не отомкнут ворот.

Пой о том, как ты земную
Боль, и соль, и желчь пила,
Как входила в плоть живую
Смертоносная игла,

Пой, бродяжка, пой, синица,
Для которой корма нет,
Пой, как саваном ложится
Снег на яблоневый цвет,

Как возвысилась пшеница,
Да побил пшеницу град...
Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,

Пой, душа, тебя простят.

х х х

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате,
Что теперь вспоминать?

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо -
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь - от кого же
Я отрекся во сне?

Крик идет петушиный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

ПОРТРЕТ

Никого со мною нет.
На стене висит портрет.

По слепым глазам старухи
Ходят мухи,
        мухи,
        мухи.

Хорошо ли, - говорю, -
Под стеклом твоим в раю?

По щеке сползает муха,
Отвечает мне старуха:

- А тебе в твоём доме
Хорошо ли одному?

х х х

А все-таки я не истец,
Меня и на земле кормили:
- Налей ему прокисших щец,
Остатки на помойку вылей.

Всему свой срок и свой конец,
А все-таки меня любили:
Одна: - Прощай! - и под венец,
Другая крепко спит в могиле,

А третья у чужих сердец
По малой капле слез и смеха
Берет и складывает эхо,
И я должник, а не истец.

К СТИХАМ

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

И я раздвинул жар березовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закат свой розовый
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

Друг, за чашу благодарствуй,

Небо я держу в руке,
Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.

Здесь хранит сама природа
Явный след былых времен -
Девятнадцатого года
Очистительный озон.

А внизу из труб Садона
Сизый тянется дымок,
Чтоб меня во время оно
Этот холод не увлек.

Там под крышами, как сетка,
Дождик дышит и дрожит,
И по нитке вагонетка
Черной бусиной бежит.

Я присутствую при встрече
Двух времен и двух высот,
И колючий снег на плечи
Старый Цее мне кладет.

МЕЛЬНИЦА В ДАРГАВСКОМ УЩЕЛЬЕ

Все жужжит беспокойное веретено -
То ли осы снуют, то ли гнется камыш, -
Осетинская мельница мелет зерно,
Ты в Даргавском ущелье стоишь.

Там в плетеной корзине скрипят жернова,
Колесо без оглядки бежит, как пришлось,
И, в толченый хрусталь окунув рукава,
Белый лебедь бросается вкось.

Мне бы мельника встретить: он жил над рекой,
Ни о чем не тужил и ходил по дворам,
Он ходил - торговал нехорошей мукой,
Горьковатой, с песком пополам.

ДАГЕСТАН

Я лежал на вершине горы,
Я был окружен землей.
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме двух:
СВетло-синий,
СВетло-коричневый там,
Где по синему камню писало перо Азраила.
Вкруг меня лежал Дагестан.

Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях горделивой земли?
Как я посмел променять на чет и нечет любви
Разреженный воздух горы?

Чтобы здесь
В ложке плавить на желтом огне
Дагестанское серебро?
Петь:
"Там я жил над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою"?

КОМИТАС

Ничего душа не хочет
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный Комитас.

Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.

Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.

И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной,
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда Страшного суда.

ПЕСНЯ

Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяте, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю.

Колышется ива на том берегу,
Как белые руки.
Пройти до конца по мосту не могу,
Но лучшего имени влажные звуки
На память я взял при последней разлуке.

Стоит у излуки
И моет в воде свои белые руки,
А я перед ней в неоплатном долгу.
Сказал бы я, кто на поемном лугу
На том берегу
За ивой стоит, как русалка над речкой,
И с пальца на палец бросает колечко.

ДОЖДЬ В ТБИЛИСИ

Мне твой город нерусский
Все еще незнаком, -
Клен под мелким дождем,
Переулок твой узкий,

Под холодным дождем
Слишком яркие фары,
Бесприютные пары
В переулке твоём,

По крутым тротуарам
Бесконечный подъем.
Затерялся твой дом

В этом городе старом.

Бесконечный подъем,
Бесконечные спуски,
Разговор не по-русски
У меня за плечом.

Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыш.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетевана?

В переулке твоём
В этот час непогожий
Я - случайный прохожий
Под холодным дождем,

В этот час непогожий,
В час, покорный судьбе,
На тоску по тебе
Чем-то страшно похожий.

х х х

Ты, что бабочкой черной и белой,
Не по-нашему дико и смело,
И в мое залетела жильё,
Не колдуй надо мною, не делай
Горше горького сердце мое.

Чернота, окрыленная светом,
Та же черная верность обетам
И платок, ниспадающий с плеч.
А еще в трепетании этом
Тот же яд и нерусская речь.

х х х

С утра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.

Ни словом унять, ни платком утереть...

25 ИЮНЯ 1935

Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый,
Но все мне кажется, что розы на окне,
И не признательность, а чувство полной меры
Бывает в этот день всегда присуще мне.
А если я не прав, тогда скажи - на что же
Мне тишина травы и дружба роц моих,
И стрелы птичьих крыл, и плеск ручьев, похожий
На объяснение в любви глухонемых?

х х х

Я так давно родился,
Что слышу иногда,
Как надо мной проходит
Студеная вода.
А я лежу на дне речном,
И если песню петъ -
С травы начнем, песку зачерпнем
И губ не разомкнем.

Я так давно родился,
Что говорить не могу,
И город мне приснился
На каменном берегу.
А я лежу на дне речном
И вижу из воды
Далекий свет, высокий дом,
Зеленый луч звезды.

Я так давно родился,
Что если ты придешь
И руку положишь мне на глаза,
То это будет ложь,
А я тебя удержать не могу,
И если ты уйдешь
И я за тобой не пойду, как слепой,
То это будет ложь.

х х х

Отнятая у меня, ночами
Плакавшая обо мне, в нестрогом
Черном платье, с детскими плечами,
Лучший дар, не возвращенный богом,

Заклинаю прошлым, настоящим,
Крепче спи, не всхлипывай спросонок,
Не следи за мной зрачком косящим,
Ангел, олененок, соколенок.

Из камней Шумера, из пустыни
Аравийской, из какого круга
Памяти - в сиянии гордыни
Горло мне захлестываешь туго?

Я не знаю, где твоя держава,
И не знаю, как сложить заклятье,
Чтобы снова потерять мне право
На твое дыханье, руки, платье.

ИГНАТЬЕВСКИЙ ЛЕС

Последних листьев жар сплошным самосожжением
Восходит на небо, и на пути твоём
Весь этот лес живет таким же раздражением,
Каким последний год и мы с тобой живем.

В заплаканных глазах отражена дорога,
Как в пойме сумрачной кусты отражены.
Не привередничай, не угрожай, не трогай,
Не задевай лесной наволгшей тишины.

Ты можешь услышать дыханье старой жизни:
Осклизлые грибы в сырой траве растут,
До самых сердцевин их проточили слизи,
А кожу все-таки щекочет влажный зуд.

Все наше прошлое похоже на угрозу -
Смотри, сейчас вернусь, гляди, убью сейчас!
А небо ежится и держит клен, как розу, -
Пусть жжет еще сильнее! - почти у самых глаз.

х х х

Если б, как прежде, я был горделив,
Я бы оставил тебя навсегда;
Все, с чем расстаться нельзя ни за что,
Все, с чем возиться не стоит труда, -
Надвое царство мое разделив.

Я бы сказал:

- Ты уносишь с собой
Сто обещаний, сто праздников, сто
Слов. Это можешь с собой унести.

Мне остается холодный рассвет,
Сто запоздалых трамваев и сто
Капель дождя на трамвайном пути,
Сто переулков, сто улиц и сто
Капель дождя, побежавших вослед.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

То были капли дождевые,
Летающие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день.

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заране
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла,
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

х х х

Т.О. - Т.

Я боюсь, что слишком поздно
Стало снится счастье мне.
Я боюсь, что слишком поздно
Потянулся я к беззвездной
И чужой твоей стране.

Мне-то ведомо, какую -
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какую
Неспокойной, молодой
Ты бываешь без меня.

Я-то знаю, как другие,
В поздний час моей тоски,
Я-то знаю, как другие
Смотрят в эти роковые,
Слишком темные зрачки.

И в моей ночи ревнивой
Каблучки твои стучат,
И в моей ночи ревнивой
Над тобою дышит диво -
Первых оттепелей чад.

Был и я когда-то молод.
Ты пришла из тех ночей.
Был и я когда-то молод,
Мне понятен душный холод,
Вешний лед в крови твоей.

ПЕРЕД ЛИСТОПАДОМ

Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем.

Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышинной стены.

Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.

Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном - на что ей
Память моя? Что ей память моя?

х х х

Мне в черный день приснится
Высокая звезда,
Глубокая криница,
Студеная вода
И крестики сирени
В росе у самых глаз.
Но больше нет ступени -
И тени спрячут нас.

И если вышли двое
На волю из тюрьмы,
То это мы с тобою,
Одни на свете мы,
И мы уже не дети,
И разве я не прав,
Когда всего на свете
Светлее твой рукав.

Что с нами ни случится,
В мой самый черный день,
Мне в черный день приснится
Криница и сирень,
И тонкое колечко,
И твой простой наряд,
И на мосту за речкой
Колеса простучат.

На свете все проходит,
И даже эта ночь
Проходит и уводит
Тебя из сада прочь.
И разве в нашей власти
Вернуть свою зарю?
На собственное счастье

Я как слепой смотрю.

Стучат. Кто там? - Мария. -
Отворишь дверь. - Кто там? -
Ответа нет. Живые
Не так приходят к нам,
Их поступь тяжелее,
И руки у живых
Грубее и теплее
Незримых рук твоих.

- Где ты была? - Ответа
Не слышу на вопрос.
Быть может, сон мой - это
Невнятный стук колес
Там, на мосту, за речкой,
Где светится звезда,
И кануло колечко
В криницу навсегда.

х х х

Сирени вы, сирени,
И как вам не тяжел
Застывший в трудном крене
Альтовый гомон пчел?

Осталось нетерпенье
От юности моей
В горячей вашей пене
И в глубине теней.

А как дохнет по пчелам
И прибежит гроза
И ситцевым подолом
Ударит мне в глаза -

Пройдет прохлада низом
Траву в коленах гнуть,
И дождь по гроздьям сизым
Погкатится, как ртуть.

Пол вечер - ведро снова,
И, верно, в том и суть,
Чтоб хоть силком смычковый
Лиловый гуд вернуть.

х х х

Т.О. - Т.

Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой,

За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг,

За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

х х х

Снова я на чужом языке
Пересуды какие-то слышу, -
То ли это плоты на реке,
То ли падают листья на крышу.

Осень, видно, и впрямь хороша.
То ли это она колобродит,
То ли злая живая душа
Разговоры с собою заводит,

То ли сам я к себе не првык...
Плыть бы мне до чужих понизовий,
Петь бы мне, как поет плотовщик, -
Побольней, потемней, победовой,

На плоту натянуть дождевик,
Петь бы, шапку надвинув на брови,
Как поет на реке плотовщик
О своей невозвратной любви.

ТЕМНЕЕТ

Какое счастье у меня украли!
Когда бы пришла в тот страшный год,
В орлянку бы тебя не проиграли,
Души бы не пустили в оборот.

Мне девочка с венгерскою шарманкой
Поет с надсадной хрипотой о том,
Как вывернуло время вверх изнанкой
Твою судьбу под проливным дождем,

И старческой рукою моет стекла
Сентябрьский ветер и уходит прочь,
И челка у шарманщицы намокла,
И вот уже у нас в предместье - ночь.

НОЧЬ ПОД ПЕРВОЕ ИЮНЯ

Пока еще последние колена
Последних соловьев не отгремели
И смутно брезжит у твоей постели
Боярышника розовая пена,

Пока ложится железнодорожный
Мост, как самоубийца, под колеса
И жизнь моя над черной рябью плеса
Летит стремглав дорогой непреложной,

Спи, как на сцене, на своей поляне,
Спи, - эта ночь твоей любви короче, -
Спи в сказке для детей, в ячейке ночи,
Без имени в лесу воспоминаний.

Так вот когда я стал самим собою,
И что ни день - мне новый день дороже,
Но что ни ночь - пристрастнее и строже
Мой суд нетерпеливый над судьбою...

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела

Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: "Будь благословенна!" -
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевую тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И - боже правый! - ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово "ты" раскрыло
Свой новый смысл и означало: царь.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи - таз, кувшин, - когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам было с нами по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

КАК СОРОК ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

1

Как сорок лет тому назад,
Сердцебиение при звуке
Шагов, и дом с окошком в сад,
Свеча и близорукий взгляд,
Не требующий ни поруки,
Ни клятвы. В городе звонят.
Светает. Дождь идет, и темный,
Намокший дикий виноград
К стене прижался, как бездомный,
Как сорок лет тому назад.

2

Как сорок лет тому назад,
Я вымок под дождем, я что-то
Забыл, мне что-то говорят,
Я виноват, тебя простят,
И поезд в десять пятьдесят
Выходит из-за поворота.
В одиннадцать конец всему,
Что будет сорок лет в грядущем
Тянуться поездом идущим
И окнами мелькать в дыму,
Всему, что ты без слов сказала,
Когда уже пошел состав.
И чья-то юность, у вокзала
От провожающих отстав,
Домой по лужам как попало
Плетется, прикусив рукав.

3

Хвала измерившим высоты
Небесных звезд и гор земных,
Глазам - за свет и слезы их!

Рукам, уставшим от работы,
За то, что ты, как два крыла,
Руками их не отвела!

Гортани и губам хвала
За то, что трудно мне поется,
Что голос мой и глух и груб,

Когда из глубины колодца
Наружу белый голубь рвется
И разбивает грудь о сруб!

Не белый голубь - только имя,
Живому слуху чуждый лад,
Звучащий крыльями твоими,
Как сорок лет тому назад.

ВЕТЕР

Душа моя затосковала ночью.

А я любил изорванную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту
И звезды, брезжущие на лету.
Над мокрыми сентябрьскими садами,
Как бабочки с незрячими глазами,
И на цыганской масляной реке
Шатучий мост, и женщину в платке,
Спадавшем с плеч над медленной водою,
И эти руки как перед бедою.

И кажется, она была жива,
Жива, как прежде, но ее слова
Из влажных "Л" теперь не означали
Ни счастья, ни желаний, ни печали,
И больше мысль не связывала их,
Как повелось на свете у живых.

Слова горели, как под ветром свечи,
И гасли, словно ей легло на плечи
Все горе всех времен. Мы рядом шли,
Но этой горькой, как полынь, земли
Она уже стопами не касалась
И мне живую больше не казалась.

Когда-то имя было у нее.

Сентябрьский ветер и ко мне в жилье
Врывается -
                  то лязгает замками,
То волосы мне трогает руками.

*****

II

РУКИ

Взглянул я на руки свои
Внимательно, как на чужие:
Какие они корневые -
Из крепкой рабочей семьи.

Надежная старая стать
Для дружеских твердых пожатий;
Им плуга бы две рукояти,
Буханку бы хлебную дать,

Держать бы им сердце земли,
Да все мы, видать, звездолюбцы, -
И в небо мои пятизубцы
Двумя якорями вросли.

Так вот чем наш подвиг велик:
Один и другой пятерик
Свой труд принимают за благо,
И древней атлантовой тягой
К ступням прикипел материк.

СЛОВАРЬ

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам - боль моя и благо -
Ключей подземных ледяная влага,
Все "эр" и "эль" святого языка.

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной.

- Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу,
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

СТЕПНАЯ ДУДКА

Жили, воевали, голодали,
Умирили врозь, по одному.
Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму.

Из всего земного ширпотреба
Только дудку мне и принесли:
Мало взял я у земли для неба,
Больше взял у неба для земли.

Я из шапки вытряхнул светила,
Выпустил я птиц из рукава.
Обо мне земля давно забыла,
Хоть моим рифмовником жива.

2

На каждый звук есть эхо на земле.
У пастухов кипел кулеш в котле,
Почемывались овцы рядом с нами
И черными стучали башмачками.
Что деньги мне? Что мне почет и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная,
Не различать далеких голосов,
Не ждать благословенных парусов.

3

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,
И потому лады
Поют как Мариула,

И потому семья

У нас не без уroda
И хороша моя
Дунайская свобода.

Где грел он в холода
Лепешку на ладони,
Там южная звезда
Стоит на небосклоне.

4

Земля неплодородная, степная,
Горючая, но в ней для сердца есть
Кузнечика скрипица костяная
И кесарем униженная честь.

А где мое грядущее? Бог весть.
Изгнание чужое вспоминая,
С Овидием и я за дестью десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.

За желть и желчь любил я этот край
И говорил: - Кузнечик мой, играй! -
И говорил: - Семь лет пути до Рима!

Теперь мне и до степи далеко.
Живи хоть ты, глоток сухого дыма,
Шалаш, кожух, овечье молоко.

МАЛЮТКА ЖИЗНЬ

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольников с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.

Терзай меня - не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в Судный день - с иголкой в гортани.

А! этот сон! Малютка жизнь, дыши,

Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост -
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И - боже мой! - какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

ТИТАНИЯ *

(* из "Сна в летнюю ночь" Шекспира)

Прямых стволов благословение
И млечный пар над головой,
И я ложусь в листву осеннюю,
Дышу подспудицей грибной.

Мне грешная моя, невинная
Земля моя передает
Свое терпенье муравьиное
И душу крепкую, как йод.

Кончаются мои скитания.
Я в лабиринт корней войду
И твой престол найду, Титания,
В твоей державе пропаду.

Что мне в моем погибшем имени?
Твой ржавый лист - моя броня,
Кляни меня, но не гони меня,

Убей, но не гони меня.

ШИПОВНИК

Т.О.-Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнобой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар -
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

ГОЛУБИ

Семь голубей - семь дней недели
Сквевали корм и улетели,
На смену этим голубям
Другие прилетают к нам.

Живем, считаем по семерке,
В последней стае только пять,
И наши старые задворки
На небо жалко променять:

Тут наши сизари воркуют,
По кругу ходят и жалкуют,
Асфальт крупитчатый клюют
И на поминках дождик пьют.

АНЖЕЛО СЕККИ

- Прости, мой дорогой мерцовский экваториал!
Слова Секки

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, полуслепой, полуживой,
Один среди небесного сиянья,
Стоит он с непокрытой головой.

Дыханье Рима - как сухие травы.
Привет тебе, последняя ступень!
Судьба лукава, и цари не правы,
А все-таки настал и этот день.

От мерцовского экваториала
Он старых рук не в силах оторвать;
Урания не станет, как бывало,
В пустынной этой башне пировать.

Глотая горький воздух, гладит Секки
Давным-давно не чищенную медь.
- Прекрасный друг, расстанемся навеки,
Дай мне теперь спокойно умереть.

Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на Страшный суд,
И ласточки над экваториалом,
Как вестницы забвения, снуют.

Еще ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свету,
Благословить последнюю ступень.

СТАНЬ САМИМ СОБОЙ

Werde der du bist.
Geme

Когда тебе придется туго,
Найдешь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей.

Ты вывернешься наизнанку,

Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешаешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны,

И все и всех найдешь в порядке.
А ты - как ряженный на святки -
Играешь в прятки сам с собой,
С твоим искусством и судьбой.

В чужом костюме ходит Гамлет
И кое-то про что-то мямлит, -
Он хочет Моиси играть,
А не врагов отца карать.

Из миллиона вероятий
Тебе одно придется кстати,
Но не дается, как назло,
Твое заветное число.

Загородил полнеба гений.
Не по тебе его ступени,
Но даже под его стопой
Ты должен стать самим собой.

Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у немого,
И ярче краска у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

КАРЛОВЫ ВАРЫ

Даже песня дается недаром,
И уж если намучились мы,
То какими дрожжами и жаром
Здесь когда-то вздымало холмы.

А холмам на широкую спину,
Как в седло, посадили кремли,
И с ячменных полей десятину
В добрый Пильзен варить повезли.

Расцветай же, как лучшая роза
В наилучшем трехмерном плену,
Дорогая житейская проза,

Воспитавшая эту страну.

Пойте, честные чешские птицы,
Пойте, птицы, пока по холмам
Бродит грузный и розоволицый
Старый Гете, столь преданный вам.

х х х

Пускай меня простит Винсент Ван-Гог
За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис,

Лимонный крон и темно-голубое, -
Без них не стал бы я самим собою;

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван-Гог.

ПАУЛЬ КЛЕЕ

Жил да был художник Пауль Клее
Где-то за горами, над лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,

Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,
Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне.

Не хотел он, чтоб его рисунки
Были честным паспортом природы,
Где послушно строятся по струнке
Люди, кони, города и воды,

Он хотел, чтоб линии и пятна,
Как кузнечики в июльском звоне,
Говорили слитно и понятно.
И однажды утром на картоне

Проступили крылышки и темя:
Ангел смерти стал обозначаться.
Понял Клее, что настало время
С музой и знакомыми прощаться.

Попрощался и скончался Клее.
Ничего не может быть печальней!
Если б Клее был намного злее,
Ангел смерти был бы натуральней,

И тогда с художником все вместе
Мы бы тоже сгнули со света,
Порастряс бы ангел наши кости!
Но скажите мне: на что нам это?

На погосте хуже, чем в музее,
Где порой вы бродите, живые,
И висят рядом картины Клее -
Голубые, желтые, блажные...

БАЛЕТ

Пиликает скрипка, гудит барабан,
И флейта свистит по-эльзасски,
На сцену въезжает картонный рыдван
С раскрашенной куклой из сказки.

Оттуда ее вынимает партнер,
Под ляжку подставив ей руку,
И тащит силком на гостиничный двор
К пиратам на верную муку.

Те точат кинжалы, и крутят усы,
И топают в такт каблуками,
Карманные враз вынимают часы

И дико сверкают белками, -

Мол, резать пора! Но в клубничном трико,
В своем лебедином крахмале,
Над рампою прима взлетает легко,
И что-то вибрирует в зале.

Сценической чуши магический ток
Находит, как свист соловьиный,
И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

И весь этот пот, этот грим, этот клей,
Смущавшие вкус твой и чувства,
Уже завладели душою твоей.
Так что же такое искусство?

Наверно, будет угадана связь
Меж сценой и Дантовым адом,
Иначе откуда бы площадь взялась
Со всей этой шушерой рядом?

КАКТУС

Далеко, далеко, за полсвета
От родимых долгот и широт,
Допотопное чудище это
У меня на окошке живет.

Что ему до воклюзского лавра
И персидских мучительниц-роз,
Если он под пятой бронтозавра
Ластовидной листвою оброс?

Терпеливый приемыш чужбины,
Доживая сотысячный век,
Гонит он из тугой сердцевины
Восковой криворукий побег.

Жажда жизни кору пробивала, -
Он живет во всю ширь своих плеч
Той же силой, что нам даровала
И в могилах звучащую речь.

ПОЭТ

*Жил на свете рыцарь бедный...
А.С.Пушкин*

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличьи
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задержанная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! постоянства
Кредиторов! Он как дар
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой на пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, -
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,

В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

СНЫ

Садится ночь на подоконник,
Очки волшебные надев,
И длинный вавилонский сонник,
Как жрец, читает нараспев.

Уходят вверх ее ступени,
Но нет перил над пустотой,
Где судят тени, как на сцене,
Иноязычный разум твой.

Ни смысла, ни числа, ни меры.
А судьи кто? И в чем твой грех?
Мы вышли из одной пещеры,
И клинопись одна на всех.

Явь от потопа до Эвклида
Мы досмотреть обречены.
Отдай - что взял; что видел - выдай!
Тебя зовут твои сыны.

И ты на чьем-нибудь пороге
Найдешь когда-нибудь приют,
Пока быки бредут, как боги,
Боками трутся на дороге
И жвачку времени жуют.

В ДОРОГЕ

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнем.

Над полосой отчуждения
Фонарь качается в руке,
Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.

И в желтом колыбельном свете
У мироздания на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит приезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

ДЕРЕВО ЖАННЫ

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна Д'Арк.
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
И все уже давным-давно звучит,
И кажется - финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелено-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты.

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,
Весенние размытые порывы
Смычков, - я понимаю, что со мной:
Душа к губам прикладывает палец -
Молчи! Молчи!

И все, чем смерть жива

И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть - в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, - какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды - вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.

Все, что собрали, сложили в корзины, -
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще поклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

х х х

О, только бы привстать, опомниться, очнуться
И в самый трудный час благословить труды,
Вспоившие луга, вскормившие сады,
В последний раз глотнуть из выгнутого блюдца
Листа ворсистого
хрустальный мозг воды.

Дай каплю мне одну, моя трава земная,

Дай клятву мне взамен - принять в наследство речь,
Гортанью разрастись и крови не беречь,
Не помнить обо мне и, мой словарь ломая,
Свой пересохший рот моим огнем обжечь.

х х х

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка - слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове "правда" мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унижил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

х х х

Вот и лето прошло,
Словно м не бывало.
На пригреве тепло,
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,

Ни добро не пропало,
Все горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло,
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

ПЕРВАЯ ГРОЗА

Лиловая в Крыму и белая в Париже,
В Москве моя весна скромней и сердцу ближе,
Как девочка в слезах. А вор в дождевике
Под дождь - из булочной с бумажкой в кулаке,
Но там, где тувелькой скользнула изумрудной,
Беречься ни к чему и плакать безрассудно;
По лужам облака проходят косяком,
Павлиньи радуги плывут под каблуком,
И девочка бежит по гребню светотени
(А это жизнь моя) в зеленом по колени,
Авоськой машучи, по лестнице винтом,
И город весь внизу, и гром - за нею в дом...

СТЕПЬ

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава - под конскою подковой,
Душа - в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

Почиет степь, как неживая,
И на курганах валуны
Лежат - цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово.
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнет репейника ресница,
Сверкнет кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло,

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой разумной речи
Вернет и птицам и камням.

Любовный бред самосознания
Вдохнет, как душу, в корни трав,
Трепещущие их названья
Еще во сне пересоздав.

ДЕРЕВЬЯ

1

Чем глуше крови страстный ропот
И верный кров тебе нужней,
Тем больше ценишь трезвый опыт
Спокойной зрелости своей.

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В ее лице свое узнав.

И собеседник и ровесник
Деревьев полувековых,
Ищи себя не в ранних песнях,
А в росте и упорстве их.

Им тяжело собственное бремя,
Но с каждой новой весной
В их жесткой сердцевине время
За слоем отлагает слой.

И крепнет их живая сила,
Двоятся ветви их, деля

Тот груз, которым одарила
Своих питомцев мать-земля.

О чем скорбя, в разгаре мая
Вдоль исполинского ствола
На крону смотришь, понимая,
Что мысль в замену чувств пришла?

О том ли, что в твоих созвучьях
Отвердевает кровь твоя,
Как в терпеливых этих сучьях
Луч солнца и вода ручья?

2

Державы птичьей нищеты,
Ветров зеленые кочевья,
Ветвями ищут высоты
Слепорожденные деревья.

Зато, как воины, стройны,
Очеловеченные нами,
Стоят, и соединены
Земля и небо их стволами.

С их плеч, когда зима придет,
Слетит убранство золотое:
Пусть отдохнет лесной народ,
Накопит силы на покое.

А листья - пусть лежат они
Под снегом, ржавчина природы.
Сквозь щели сломанной брони
Живительные брызнут воды,

И двинется весенний сок,
И сквозь кору из черной раны
Побега молодого рог
Проглянет, нежный и багряный.

И вот уже в сквозной листве
Стоят округ земли прогретой
И света ищут в синеве
Еще, быть может, до рассвета.

- Как будто горцы к нам пришли

С оружием своим старинным
На праздник матери-земли
И станом стали по низинам.

Созвучья струн волосяных
Налетом птичьим зазвучали,
И пляски ждут подруги их,
Держа в точеных пальцах шали.

Людская плоть в родстве с листвою,
И мы чем выше, тем упорней:
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой.

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

1

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

2

Живите в доме - и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, -
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

3

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стремях.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

ОЛИВЫ

Марине Т.

Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких оливок,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.
Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.

Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слез твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиной
В камнях затерялся твой зов.

А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,
И спутник ее до утра
В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.

Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,

Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

ЭВРИДИКА

У человека тело
Одно, как одиночка,
Душе осточертела
Сплошная оболочка
С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей - шрам на шраме,
Надетой на костяк.

Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, -
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?

И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.

Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,

Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо
Земля шумит в ушах.

РИФМА

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту?

И как ребенок "мама" говорит,
И мечется, и требует покровы,
Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры - хватать! и рифмами двоит.

Сказать по правде, мы уста пространства
И времени, но прячется в стихах
Кощеевой считалки постоянство;
Всему свой срок: живет в пещере страх,
В созвучье - допотопное шаманство,

И может быть, семь тысяч лет пройдет,
Пока поэт, как жрец, благоговейно
Коперника в стихах перепоеет,
А там, глядишь, дойдет и до Эйнштейна.
И я умру, и тот поэт умрет,

Но в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
- Еще одно дыханье и мгновенье
Дай эту нить связать и раздвоить! -
Ты помнишь рифмы влажное биенье?

РАННЯЯ ВЕСНА

С протяжным шорохом под мост уходит крига -
Зимы-гадальщицы захватанная книга,
Вся в птичьих литерах, в сосновой чешуе.
Читать себя велит одной, другой струе.

Эй, в черном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вон теперь какая:
Расселась - ноги вниз - на Каменном мосту

И первых ласточек бросает в пустоту.

Девчонки-писанки с короткими носами,
Как на экваторе, толкутся под часами
В древнеегипетских ребристых башмаках,
С цветами желтыми в русалочьих руках.

Как не спешить туда взволнованным студентам,
Французам в дудочках, с владимирским акцентом,
Рабочим молодым, жрецам различных муз
И ловким служащим, бежавших брачных уз?

Но дворник с номером косится исподлобья,
Пока троллейбусы проходят, как надгробья,
И я бегу в метро, где, у Москвы в плену,
Огромный базилевс залег во всю длину.

Там нет ни времени, ни смерти, ни апреля,
Там дышит ровное забвение без хмеля,
И ровное тепло подземных городов,
И ровный узкий свист летучих поездов.

х х х

Над черно-сизой ямою
И жухлым снегом в яме
Заплакала душа моя
Прощальными слезами.

Со скрежетом подъемные
Ворочаются краны
И сыплют шлак в огромные
Расхристанные раны,

Губастые бульдозеры,
Дрожа по-человечьи,
Асфальтовое озеро
Гребут себе под плечи.

Безбровая, безбольная,
Еще в родильной глине,
Встает прямоугольная
Бетонная богиня.

Здесь будет сад с эстрадами
Для скрипок и кларнетов,

Цветной бассейн с наядами
И музы для поэтов.

А ты, душа-чердачница,
О чем затосковала?
Тебе ли, неудачница,
Твоей удачи мало?

Прощай, житье московское,
Где ты любить училась,
Петровско-Разумовское,
Прощайте, ваша милость!

Истцы, купцы, повытчики,
И что в вас было б толку,
Когда б не снег на ситчике,
Накинутом на челку.

Эх, маков цвет, мещанское
Житьишко за заставой!
Я по линейке странствую,
И правый и неправый.

ДОМ НАПРОТИВ

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром -

Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,

И все осталось навсегда как было.
Но обнажились между тем стропила,

Забрезжила в проемах без стекла
Сухая пыль, и выступила мгла.

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забытые надежды и желанья.

Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни на шаг от милой им земли

Не отходили призраки бывшего
И про рябину пели песню снова,

На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,

Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,

И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,

Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,

Пока над ними кран, как буква "Г",
Не повернулся на одной ноге.

УТРО В ВЕНЕ

Где ветер бросает ножи
В стекло министерств и музеев,
С насмешливым свистом стрижи
Стригут комаров-ротозеев.

Оттуда на город забот,
Работ и вечерней зевоты,
На роботов Моцарт ведет
Свои насекомые ноты.

Живи, дорогая свирель!
Под праздник мы пол натирали,
И в окна посыпался хмель -
На каждого по сто спиралей.

И если уж смысла искать
В таком суматошном концерте,
То молодость, правду сказать,
Под старость опаснее смерти.

х х х

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.

Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,

И уже наконец над собою стою,
Отделяю постылую душу мою,

В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя - на него.

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,

Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, все без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был.
И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу
И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава.

В МУЗЕЕ

Это не мы, это они - ассирийцы,
Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
Глинобородые боги-народоубийцы,
В твердых одеждах цари, - это они!

Кровь, как булыжник, торчик из щербатого горла,
И невозможно пресытиться жизнью, когда
В дыхало льву пернатые вогнаны сверла,
В рабьих ноздрях - жесткий уксус царева суда.

Я проклиная тиару Шамшиада,
Я клинописной хвалы не пишу все равно,
Мне на земле ни почета, ни хлеба не надо,
Если мне царские крылья разбить не дано.

Жизнь коротка, но довольно и ста моих жизней,

Чтобы заполнить глотающий кости провал.
В башенном городе у ассирийцев на тризне
Я хорошо бы с казненными попиrowал.

Я проклиная подошвы царских сандалий.
Кто я - лев или раб, чтобы мышцы мои
Без возданья в соленую землю втоптали
Прямоугольные каменные муравьи?

ЯВЬ И РЕЧЬ

Как зрение - сетчатке, голос - горлу,
Число - рассудку, ранний трепет - сердцу,
Я клятву дал вернуть мое искусство
Его животворящему началу.

Я гнул его, как лук, я тетивой
Душил его - и клятвой пренебрег.

Не я словарь по слову составлял,
А он меня творил из красной глины;
Не я пять чувств, как пятерню Фома,
Вложил в зияющую рану мира.
А рана мира облегла меня;
И жизнь жива помимо нашей воли.

Зачем учил я посох прямизне,
Лук - кривизне и птицу - птичьей роще?
Две кисти рук, вы на одной струне,
О явь и речь, зрачки расширьте мне,
И причастите вашей царской мощи,

И дайте мне остаться в стороне
Свидетелем свободного полета,
Воздвигнутого чудом корабля.
О два крыла, две лопасти оплота,
Надежного как воздух и земля!

СНЕЖНАЯ НОЧЬ В ВЕНЕ

Ты безумна, Изора, безумна и зла,
Ты кому подарила свой перстень с отравой
И за дверью трактирной тихонько ждала:
Моцарт, пей, не тужи, смерть в союзе со славой.

Ах, Изора, глаза у тебя хороши
И черней твоей черной и горькой души.

Смерть позорна, как страсть. Подожди, уже скоро,
Ничего, он сейчас задохнется, Изора.

Так лети же, снегов не касаясь стопой:
Есть кому еще уши залить глухотой
И глаза слепотой, есть еще голодуха,
Госпитальный фонарь и сиделка-старуха.

х х х

И я ниоткуда
Пришел расколоть
Единое чудо
На душу и плоть,

Державу природы
Я должен рассечь
На песню и воды,
На сушу и речь.

И, хлеба земного
Отведав, прийти
В свечении слова
К началу пути.

Я сын твой, отрада
Твоя, Авраам,
И жертвы не надо
Моим временам,

А сколько мне в чаше
Обид и труда...
И после сладчайшей
Из чаш -
        никуда?

х х х

Струнам счет ведут на лире
Наши древние права,
И всего дороже в мире
Птицы, звезды и трава.

До заката всем народом
Лепят ласточки дворец,
Перед солнечным восходом
Наклоняет лук Стрелец,

И в кувшинчик из живого
Персефонины стекла
Вынуть хлебец свой медовый
Опускается пчела.

Потаенный ларь природы
Отмыкает нищий царь
И крадет залог свободы -
Летних месяцев букварь.

Дышит мята в каждом слове,
И от головы до пят
Шарики зеленой крови
В капиллярах шебуршат.

ЗЕМНОЕ

Когда б на роду мне написано было
Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
Святым молоком облаков,

И стал бы я богом ручья или сада,
Стерег бы хлеба и гроба, -
Но я человек, мне бессмертья не надо:
Страшна неземная судьба.

Спасибо, что губ не свела мне улыбка
Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
Не смейся, не пой надо мной.

ЗАГАДКА С РАЗГАДКОЙ

Кто, еще прозрачный школьник,
Учит Музу чепухе
И торчит, как треугольник,
На шатучем лопухе?

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь?

Кто, Державину докука,

Хлебникову брат и друг,
Взял из храма ультразвука
Золотой зубчатый лук?

Кто, коленчатый, зеленый
Царь, циркач или божок,
Для меня сберег каленый,
Норовистый их смычок?

Кто стрекочет, и пророчит,
И антеннами усов
Пятки времени щекочет,
Как пружинками часов?

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С ионийскою водой.

КОРА *)

*) *Кора* (греч.: *Дева*) - *Персефона*.

Когда я вечную разлуку
Хлебну, как ледяную ртуть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.

Постой у смертного порога
До темноты, как луч дневной,
Побудь со мной еще немного
Хоть в трех аршинах надо мной.

Ужасный рот царицы Кору
Улыбкой привечает нас,
И душу обнажают взоры
Ее слепых загробных глаз.

ЗИМОЙ

Куда ведет меня подруга -
Моя судьба, моя судьба?
Бредем, теряя кромку круга
И спотыкаясь о гроба.

Не видно месяца над нами,

В сугробах вязнут костыли,
И души белыми глазами
Глядят вослед по верх земли.

Ты помнишь ли, скажи, старуха,
Как проходили мы с тобой
Под этой каменной стеной
Зимой студенной, в час ночной,
Давным-давно, и так же глухо,
Вполголоса и в четверть слуха,
Гудело эхо за спиной?

ДО СТИХОВ

Когда, еще спросонок, тело
Мне душу жгло и предо мной
Огнем вперед судьба летела
Неопалимой купиной, -

Свистели флейты ниоткуда,
Кричали у меня в ушах
Фанфары, и земного чуда
Ходила сетка на смычках,

И в каждом цвете, в каждом тоне
Из тысяч радуг и ладов
Окрестный мир стоял в короне
Своих морей и городов.

И странно: от всего живого
Я принял только свет и звук, -
Еще грядущее ни слова
Не заронило в этот круг...

х х х

Стихи попадают в печать,
И в точках, расставленных с толком,
Себя невозможно признать
Бессонниц моих кривотолкам.

И это не книга моя,
А в дальней дороге без весел
Идет по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.

И нет ей опоры верней,

Чем дружбы неведомой плечи.
Минувшее ваше, как свечи,
До встречи погашено в ней.

ОДА

Подложи мне под голову руку
И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И опять к высоте привари,

Чтобы пламя твое ледяное
Синей солью стекало со лба
И внизу, как с горы, предо мною
Шевелились леса и хлеба,

Чтобы кровь из-под стоп, как с предгорий,
Жарким деревом вниз головой,
Каждой веткой ударилась в море
И несла корабли по кривой.

Чтобы вызов твой ранний сначала
Прозвучал и в горах не затих.
Ты в созвездья других превращала.
Я и сам из преданий твоих.

*****

III

х х х

На черной трубе погорелого дома
Орел отдыхает в безлюдной степи.
Так вот что мне с детства так горько знакомо:
Видение цезарианского Рима -
Горбатый орел, и ни дома, ни дыма...
А ты, мое сердце, и это стерпи.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Еще в скорлупе мы висим на хвощах
Мы - ранняя проба природы,
У нас еще кровь не красна, и в хрящах
Шумят силурийские воды,

Еще мы в пещере костра не зажгли
И мамонтов не рисовали,

Ни белого неба, ни черной земли
Богами еще не назвали,

А мы уже в горле у мира стоим
И бомбою мстим водородной
Еще не рожденным потомкам своим
За собственный грех первородный.

Ну что ж, златоверхие башни смахнем,
Развеем число Галилея
И Моцарта флейту продуем огнем,
От первого тлена хмелея.

Нам снится немая, как камень, земля
И небо, нагое без птицы,
И море без рыбы и без корабля,
Сухие, пустые глазницы.

КНИГА ТРАВЫ

О нет, я не город с кремлем над рекой,
Я разве что герб городской.

Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.

Не гостя небесная в черни воды,
Я разве что имя звезды.

Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу.

Не луч световой у тебя за спиной,
Я - дом, разоренный войной.

Не дом на высоком валу крепостном,
Я - память о доме твоём.

Не друг твой, судьбою ниспосланный друг,
Я - выстрела дальнего звук.

В приморскую степь я тебя уведу,
На влажную землю паду,

И стану я книгой младенческих трав,
К родимому лону припав.

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Н.А.Заболоцкого

1

За мертвым сиротливо и пугливо
Душа тянулась из последних сил,
Но мне была бессмертьем перспектива
В минувшем исчезающих могил.

Листва, трава - все было слишком живо,
Как будто лупу кто-то положил
На этот мир смущенного порыва,
На эту сеть пульсирующих жил.

Вернулся я домой, и вымыл руки,
И лег, закрыв глаза. И в смутном звуке,
Проникшем в комнату из-за окна,

И в сумерках, нависших, как
в предгрозье,
Без всякого бессмертья, в грубой прозе
И наготе стояла смерть одна.

2

Венков еловых птичьих лапки
В снегу остались от живых.
Твоя могила в белой шапке,
Как царь, проходит мимо них,
Туда, к распахнутым воротам,
Где ты не прах, не человек,
И в облаках за поворотом
Восходит снежный твой ковчег.
Не человек, а череп века,
Его чело, язык и медь.

Заката огненное веко
Не может в небе догореть.

ЛАСТОЧКИ

Летайте, ласточки, но в клювы не берите
Ни пилки, ни сверла, не делайте открытий,
Не подражайте нам; довольно и того,
Что вы по-варварски свободно говорите,

Что зоркие зрачки в почетной вашей свите
И первой зелени святое торжество.

Я в Грузии бывал, входил и я когда-то
По щебню и траве в пустынный храм Баграта -
В кувшин расколотый, и над жерлом его
Висела ваша сеть. И Симон Чиковани
(А я любил его, и был он мне как брат)
Сказал, что на земле пред вами виноват -
Забыл стихи сложить о легком вашем стане,
Что в детстве здесь играл, что, может быть, Баграт
И сам с ума сходил от ваших восклицаний.

Я вместо Симона хвалу вам воздаю.
Не подражайте нам, но только в том краю,
Где Симон спит в земле, вы спойте, как в дурмане,
На языке своем одну строку мою.

ДОРОГА

Н.Л.Степанову

Я врезался в возраст учета
Не сдавшихся возрасту прав,
Как в город из-за поворота
Железнодорожный состав.

Еще я в дымящихся звездах
И чертополохе степей,
И жаркой воронкою воздух
Стекает по коже моей.

Когда отдышаться сначала
Не даст мне мое божество,
Я так отойду от вокзала
Уже без себя самого -

Пойду под уклон за подмогой,
Прямую сгибая в дугу -
И кто я пред этой дорогой?
И чем похвалиться могу?

РУКОПИСЬ

А.А.Ахматовой

Я кончил книгу и поставил точку

И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе

И не покину пиршества живых -
Прямой гербовник из семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

х х х

Стелил я снежную постель,
Луга и рощи обезглавил,
К твоим ногам прильнуть заставил
Сладчайший лавр, горчайший хмель.

Но марта не сменил апрель
На страже росписей и правил.
Я памятник тебе поставил
На самой слезной из земель.

Под небом северным стою
Пред белой, бедной, непокорной
Твоею высотой горной

И сам себя не узнаю,
Один, один в рубахе черной
В твоём грядущем, как в раю.

х х х

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять - не сберечь,

И был он, как небыль, невнятен
И разве что - в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомовной гордыни
По черному невшскому льду,
По снежной балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех ни виду.

х х х

Домой, домой, домой,
Под сосны в Комарове...
О смертный ангел мой
С венками в изголовье,
В косынке кружевной,
С крылами наготове!

Как для деревьев снег,
Так для земли не бремя
Открытый твой ковчег,
Плывущий перед всеми
В твой двадцать первый век,
Из времени во время.

Последний луч несла
Зима над головою,
Как первый взмах крыла
Из-под карельской хвои,
И звезды ночь зажгла
Над снежной синевою.

И мы тебе всю ночь
Бессмертье обещали,
Просили нам помочь
Покинуть дом печали,
Всю ночь, всю ночь, всю ночь.
И снова ночь в начале.

х х х

По льду, по снегу, по жасмину,
На ладони, снега бледней,
Унесла в свою домовину
Половину души, половину
Лучшей песни, спетой о ней.

Похвалам земным не доверяюсь,
Завершив земной полукруг,
Полупризнанная, как ересь,
Через полог морозный, через
Вихри света -
                  смотрит на юг.

Что же видят незримые взоры
Недоверчивых светлых глаз?
Раздвигающиеся створы
Верст и зим иль костер, который
Заключает в объятья нас?

х х х

И эту тень я проводил в дорогу
Последнюю - к последнему порогу,
И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу.

И год прошел по кругу стороной.
Зима трубит из просеки лесной.
Нестройным звоном отвечает рогу
Карельских сосен морок слюдяной.

Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове
Не пьет бессмертья?
                  Сердце, замолчи,
Не лги, глотни еще немного крови,
Благослови рассветные лучи.

*****

IV

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Я не буду спать
Ночью новогодней,
Новую тетрадь
Я начну сегодня.

Ради смысла дат
И преображенья

С головы до пят
В плоть стихотворенья -

Год переберу,
Месяцы по строчке
Передам перу
До последней точки.

Где оно - во мне
Или за дверями,
В яви или сне
За семью морями,

В пляске по снегам
Белой круговерти, -
Я не знаю сам,
В чем мое бессмертье,

Но из декабря
Брошусь к вам, живущим
Вне календаря,
Наравне с грядущим.

О, когда бы рук
Мне достало на год
Кончить новый круг!..
Строчки сами лягут...

х х х

Стол накрыт на шестерых -
Розы да хрусталь...
А среди гостей моих -
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука,
И немодные шумят
Синие шелка.

И вино поет из тьмы,
И звенит стекло:
"Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло".

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

"Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса".

ОРБИТА

1

Во вселенной наш разум счастливый
Ненадежное строит жильё,
Люди, звезды и ангелы живы
Шаровым натяженьем ее.
Мы еще не зачали ребенка,
А уже у него под ногой
Никуда выгибается пленка
На орбите его круговой.

2

Наша кровь не ревнует по дому,
Но зияет в грядущем пробел,
Потому что земное земному
На земле полагает предел.
Обезумевшей матери снится
Верещанье четверки коней,
Фаэтон, и его колесница,
И багровые кубы камней.

3

На пространство и время ладони
Мы наложим еще с высоты,
Но поймем, что в державной короне
Драгоценней звезда нищеты,
Нищеты, и тщеты, и заботы
О нерадостном хлебе своем,

И с чужими созвездьями счесть
На земле материнской сведем.

х х х

Порой по улице бредешь -
Нахлынет вдруг невесть откуда
И по спине пройдет, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встал кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть - и ввысь
Кометой взвиться над Москвою, -
Нет, ты попробуй-ка пройдишь
На полвершка над мостовую,

Когда комета не взвилась,
И это назови удачей.
Жаль, у пространств иная связь
И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая,
Ты ею дорожи, поэт,
Она - твоя Серпуховская,

Твой город, и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет как сгинувший со света.

Затем и на земле живем,
Работает и узнаем
Друг друга по ее приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рожден поэтом.

х х х

Третьи сутки дождь идет,
Ковыряет серый лед
И вороне на березе
Моет клюв и перья мнет
(Дождь пройдет).
Недаром к прозе
(Все проходит)
сердце льнет,
К бедной прозе на березе,
На реке и за рекой
(Чуть не плача),
к бедной прозе
На бумаге под рукой.

х х х

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
Плачет погорелец на золе,
Плачет мать над люлькою пустой,
Плачет крепкий камень под пятой.

х х х

Когда купальщица с тяжелою косой
Выходит из воды, одна в полдневном зное,
И прячется в тени, тогда ручей лесной
В зеленых зеркальцах поет совсем иное.

Над хрупкой чешуей светло-студеных вод
Сторукий бог ручьев свои рога склоняет,
И только стрекоза, как первый самолет,
О новых временах напоминает.

СОКРАТ

Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных,
Пусть я застыну, как смола на соснах,

Но я не царь, я из другой семьи.

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту,
Я не один, но мы еще в грядущем.

Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я безупречно был вооружен,
И понял я, что мне клинок не нужен,
Что дудкой Марса я заморожен
И в боевых доспехах безоружен,
Что с плеч моих плывет на землю гнет,
Куда меня судьба ни повернет,

Что тяжек я всей тяжестью земною,
Как якорь, волочащийся по дну,
И цепь разматывается за мною,
А я себя матросам не верну...
И пожелал я
        легкости небесной,
Сестры чедесной
        поросли древесной.

Затосковал - и приоткрыл лицо,
И ласточки снуют, как пальцы пряжи,
Трава просовывает копьецо
Сквозь каждое кольцо моей рубахи,
Лежу, -
        а жилы крепко сращены
С хрящами придорожной бузины.

ТОЛЬКО ГРЯДУЩЕЕ

Рассчитанный на одного, как номер
Гостиницы - с одним окном, с одной
Кроватью и одним столом, я жил
На белом свете, и моя душа

Привыкла к телу моему. Бывало,
В окно посмотрит, полежит в постели,

К столу присядет - и скрипит пером,
Творя свою нехитрую работу.

А за окном ходили горожане,
Грузовики трубили, дождь шумел,
Посвистывали милиционеры,
Всходило солнце - наступало утро,
Всходили звезды - наступала ночь,
И небо то светлело, то темнело.

И город полюбил я, как приезжий,
И полон был счастливых впечатлений,
Я новое любил за новизну,
А повседневное - за повседневность,
И так как этот мир четырехмерен,
Мне будущее приходилось впору.

Но кончилось мое уединенье,
В пятнадцатирублевый номер мой
Еще один вселился постоялец,
И новая душа плодиться стала,
Как хромосома на стекле предметном.
Я собственной томился теснотой,
Хотя и раздвигался, будто город,
И слободами громоздился.

Я

Мосто перекинул через речку.

Мне

Рабочих не хватало. Мы пылили
Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей сдирали.

Хвала тому, кто потерял себя!
Хвала тебе, мой быт, лишенный быта!
Хвала тебе, благословенный тензор,
Хвала тебе, иных времен язык!
Сто лет пройдет - нам не понять его,
Я перед ним из "Слова о полку",
Лежу себе, побитый татарвой:
Нас тысяча на берегу Каялы,
Копье торчит в траве,
а на копье
Степной орел седые перья чистит.

СЛОВО

Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Станным светится огнем,

Бьется жилка, вьется живчик,
А тебе и дела нет,
Что в сорочке твой счастливчик
Появляется на свет.

Власть от века есть у слова,
И уж если ты поэт
И когда пути другого
У тебя на свете нет,

Не описывай заранее
Ни сражений, ни любви,
Опасайся предсказаний,
Смерти лучше не зови!

Слово только оболочка,
Пленка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.

ПЕРЕВОДЧИК

Шах с бараньей мордой - на троне.
Самарканд - на шахской ладони.
У подножья - лиса в чалме
С тысячью двестишый в уме.
Розы сахаринной породы,
Соловьина пахлава.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Полуголый палач в застенке
Воду пьет и таращит зенки.
Все равно. Мертвеца в рядно
Зашивают, пока темно.
Спи без просыпу, царь природы,
Где твой меч и твои права?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Да пребудет роза редифом,
Да царит над голодным тифом
И соленой паршой степей
Лунный выкормыш - соловей.
Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Зазубрил ли ты, переводчик,
Арифметику парных строчек?
Каково тебе по песку
Волочить старуху-тоску?
Ржа пустыни щепотью соды
Ни жива шипит, ни мертва.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

х х х

Я долго добивался,
Чтоб из стихов своих
Я сам не порывался
Уйти, как лишний стих.

Где свистуны свистели
И щелкал щелкопер,
Я сам свое веселье
Отправил под топор.

Быть может, идиотство
Сполна платить судьбой
За паспортное сходство
Строки с самим собой.

А все-таки уставляю
Свои глаза на вас,
Себя в живых оставляю
Навек или на час,

Оставляю в каждом звуке
И в каждой запятой
Натруженные руки
И трезвый опыт свой.

Вот почему без страха
Смотрю себе вперед,
Хоть рифма, точно плаха,
Меня сама берет.

х х х

Вы, жившие на свете для меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигъери до Скиапарелли, *) -
Спасибо вам, вы хорошо горели.

А разве я не хорошо горю
И разве равнодушием корю -
Вас, для кого я столько жил на свете, -
Трава и звезды, бабочки и дети?
Мне шапку бы и пред тобою снять,

Мой город -
    весь как нотная тетрадь,
Еще не тронутая вдохновеньем,
Пока июль по каменным ступеням
Литаврами не катится к реке,
Пока перо не прикипит к руке...

*) Дж.Скиапарелли - итальянский астроном, исследователь
так называемых каналов Марса.

х х х

Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
Не раздать бы всего, что напела мне птица,
Белый день наболтал, наморгала звезда,
Намигала вода, накислолила кислица,
На прожиток оставить себе навсегда
Крепкий шарик в крови, полный света и чуда,
А уж если дороги не будет назад,
Так втянуться в него, и не выйти оттуда,
И - в аорту, неведомо чью, наугад.

х х х

Мне опостылели слова, слова, слова,
Я больше не могу превозносить права
На речь разумную, когда всю ночь о крышу
В отрепьях, как вдова, колотится листва.
Оказывается, я просто плохо слышу,

И неразборчива ночная речь вдовства.
Меж нами есть родство. Меж нами нет родства.
И если я твержу деревьям сумасшедшим,
Что у меня в росе по локоть рукава,
То, кроме стога, им уже ответить нечем.

КОНЕЦ НАВИГАЦИИ

В затонах остывают пароходы,
Чернильные загустевают воды,
Свинцовая темнеет белизна,
И если впрямь земля болеет нами,
То стала выздоравливать она -
Такие звезды плещут над снегами,
Такая наступила тишина,
И вот уже из ледяного плена
Едва звучит последняя сирена.

х х х

Жизнь меня к похоронам
Приучила понемногу.
Соблюдаем, слава богу,
Очередность по годам.

Но ровесница моя,
Спутница моя бывшая,
Отошла, не соблюдая
Зыбких правил бытия.

Несколько никчемных роз
Я принес на отпеванье,
Ложное воспоминанье
Вместе с розами принес.

Будто мы невесть куда
Едем с нею на трамвае,
И нисходит дождевая
Радуга на провода.

И при желтых фонарях
В семицветном оперенье
Слезы счастья на мгновенье
Загорятся на глазах,

И щека еще влажна,
И рука еще прохладна,

И она еще так жадно
В жизнь и счастье влюблена.

В морге млечный свет лежит
На серебряном глазете,
И, за эту смерть в ответе,
Совесьть плачет и дрожит,

Тщетно силясь хоть чуть-чуть
Сдвинуть маску восковую
И огласку роковую
Жгучей солью захлестнуть.

=== СКАЗКИ И РАССКАЗЫ ===

РУСАЛКА

Западный ветер погнал облака.
Забеспокоилась Клязьма-река.

С первого августа дочке неможется,
Вон как скукожилась черная кожаца,

Слушать не хочет ершей да плотиц,
Губ не синит и не красит ресниц.

- Мама-река моя, я не упрямая,
Что ж это с гребнем не сладит рука моя?

Глянула в зеркало - я уж не та,
Канула в омут моя красота.

Замуж не вышла, детей не качала я,
Так почему ж я такая усталая?

Клонит ко сну меня, тянет ко дну,
Вот я прилягу, вот я усну.

- Свет мой, икринка, лягушечья спинушка,
Спи до весны, не кручинься, Иринушка!

РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕН

Румпельштильцхен из сказки немцкой
Говорил:

- Всех сокровищ на свете

Мне живое милей!
Мне живое милей!
Ждут подземные няньки,
А в детской -
Во какие кроты
Неземной красоты,
Но всегда не хватает детей!

Обманула его королева
И не выдала сына ему,
И тогда Румпельштильцхен от гнева
Прыгнул,
    за ногу взялся,
Дернул
    и разорвался
В отношении: два к одному.

И над карликом дети смеются,
И не жалко его никому,
Так смеются, что плечи трясутся,
Над его сумасшедшей тоской
И над тем, что на две половинки -
Каждой по рукаву и штанинке -
Сам свое подземельное тельце
Разорвал он своею рукой.

Непрактичный и злобный какой!

СЕРЕБРЯНЫЕ РУКИ

Девочка Серебряные Руки
Заблудилась под вечер в лесу.
В ста шагах разбойники от скуки
Свистом держат птицу на весу.

Кони спотыкаются лихие,
Как бутылки, хлопает стрельба,
Птичьи гнезда и сучки сухие
Обирает поверху судьба.

- Ой, березы вы мои, березы,
Вы мои пречистые ручьи,
Расступитесь и омойте слезы,
Расплетите косыньки мои,

Приоденьте корнем и корою,

Положите на свою кровать,
Помешайте злобе и разбою
Руки мои белые отнять!

ДВЕ ЯПОНСКИЕ СКАЗКИ

1. Бедный рыбак

Я рыбак, а сети
В море унесло.
Мне теперь на свете
Пусто и светло.

И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.

Мимо всей Вселенной
Я пойду, смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.

2. Флейта

Мне слышался чей-то
Затихающий зов,
Бесприютная флейта
Из-за гор и лесов.

Наклоняется ива
Над студеным ручьем,
И ручей торопливо
Говорит ни о чем,

Осторожный и звонкий,
Будто веретено,
То всплывает в воронке,
То уходит на дно.

ДВЕ ЛУННЫЕ СКАЗКИ

1. Луна в последней четверти

В последней четверти луна
Не понапрасну мне видна.

И желтовата и красна
В последней четверти луна,
И беспокойна и смутна:
Земле принадлежит она.

Смотрю в окно и узнаю
В луне земную жизнь мою,
И в смутном свете узнаю
Слова, что на земле пою,
И как на черепке стою
На срезанном ее краю.

А что мне видно из окна?
За крыши прячется луна,
И потому как дым смутна,
Что на ущерб идет она,
И потому, что так темна,
Влюбленным нравится луна.

2. Луна и коты

Прорвав насквозь лимонно-серый
Опасный конус высоты,
На лунных крышах, как химеры,
Вопят гундосые коты.

Из желобов ночное эхо
Выталкивает на асфальт
Их мефистофельского смеха
Коленчатый и хриплый альт.

И в это дикое искусство
Влагает житель городской
Свои предсудствия и чувства
С оттенком зависти мужской.

Он верит, что в природе ночи
И тьмы лоскут, и сна глоток,
Что ночь - его чернорабочий.

А сам глядит на лунный рог,
Где сходятся, как в средоточье,
Котов египетские очи,
И пьет бессонницы белок.

ТЕЛЕЦ, ОРИОН, БОЛЬШОЙ ПЕС

Могучая архитектура ночи!
Рабочий ангел купол повернул,
Вращающийся на древесных кронах,
И обозначились между стволами
Проемы черные, как в старой церкви,
Забытой богом и людьми.

Но там
Взошли мои алмазные Плеяды.

Семь струн привязывает к ним Сапфо
И говорит:

"Взошли мои Плеяды,
А я одна в постели, я одна,
Одна в постели!"

Ниже и левей
В горячем персиковом блеске встали,
Как жертва у престола, золотые
Рога Тельца,
и глаз его, горящий
Среди Гиад,
как Ветхого завета
Еще одна скрижаль.
Проходит время,
Но - что мне время?

Я терпелив,
я подождать могу,
Пока взойдет за жертвенным Тельцом
Немыслимое чудо Ориона,
Как бабочка безумная, с купелью
В своих скрипучих проволочных лапках,
Где были крещены Земля и Солнце.

Я подожду,
пока в лучах стеклянных
Сам Сириус -
с египетской, загробной,
собачьей головой -
Взойдет.

Мне раз еще увидеть суждено
Сверкающее это полотенце,
Божественную перемышку счастья,

И что бы люди там ни говорили -
Я доживу, переберу позвездно,
Пересчитаю их по каталогу,
Пересчитаю их по книге ночи.

ЗВЕЗДНЫЙ КАТАЛОГ

До сих пор мне было невдомек -
Для чего мне звездный каталог?
В каталоге десять миллионов
Номеров небесных телефонов,
Десять миллионов номеров
Телефонов марев и миров,
Полный свод свеченья и мерцанья,
Список абонентов мирозданья.
Я-то знаю, как зовут звезду,
Я и телефон ее найду,
Пережду я очередь земную,
Поверну я азбуку стальную:

- А-13-40-25.

Я не знаю, где тебя искать.

Запоет мембрана телефона:
- Отвечает альфа Ориона.
Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда.
Я звезда - денницына сестрица,
Я тебе не захочу присниться,
До тебя мне дела больше нет.
Позвони мне через триста лет.

КУЗНЕЧИКИ

1

Тикают ходики, ветер горячий
В полдень снует челноком по Москве,
Люди бегут к поездам, а на даче
Пляшут кузнечики в желтой траве.

Кто не видал, как сухую солому
Пилит кузнечик стальным терпугом?
С каждой минутой по новому дому
Спичечный город растет за бугром.

Если бы мог я прийти на субботник,

С ними бы стал городить городок,
Я бы им строил, бетонщик и плотник,
Каменщик, я бы им камень толк.

Я бы точил топоры - я точильщик,
Я бы ковать им помог - я кузнец,
Кровельщик я, и стекольщик, и пильщик.
Я бы им песню пропел, наконец.

2

Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не кует, не то пророчит,
Не то свой луг разрезать хочет
На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
- Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит!

ЧЕТВЕРТАЯ ПАЛАТА

Девочке в сером халате,
Аньке из детского дома,
В женской четвертой палате
Каждая малость знакома -

Кружка и запах лекарства,
Няньки дежурной указки
И тридевятое царство -
Пятна и трещины в краске.

Будто синица из клетки,
Глянет из-под одеяла:
Не просыпались соседки,
Утро еще не настало?

Востренький нос, восковые
Пальцы, льняная косица.
Мимо проходят живые.
- Что тебе, Анька?
- Не спится.

Ангел больничный за шторой
Светит одеждой туманной.
- Я за больной.

- За которой?
- Я за детдомовской Анной.

БЕССОННИЦА

Мебель трескается по ночам.
Где-то каплет из водопровода.
От вседневного груза плечам
В эту пору дается свобода,
В эту пору даются вещам
Бессловесные души людские,
И слепые,
        немые,
        глухие
Разбредаются по этажам.
В эту пору часы городские
Шлют секунды
        туда
        и сюда,
И плетутся хромые,
        кривые,
Подымаются в лифте живые,
Неживые
        и полуживые,
Ждут в потемках, где каплет вода,
Вынимают из сумок стаканы
И приплясывают, как цыганы,
За дверями стоят, как беда,
Сверла медленно вводят в затворы
И сейчас оборвут провода.
Но скорее - они кредиторы
И пришли навсегда, навсегда,
И счета принесли.

Невозможно
Воду в ступе, не спавши, толочь,
Невозможно заснуть, - так тревожна
Для покоя нам данная ночь.

ТЕЛЕФОНЫ

Номера - имена телефонов
Постигаются сразу, когда
Каждой вести пугаешься, тронув
Змеевидные их провода.

Десять букв алфавита без смысла,

Десять цифр из реестра судьбы
Сочетаются в странные числа
И года громоздят на гробы.

Их щемящему ритму покорный,
Начинаешь цвета различать,
Может статься, зеленый и черный -
В-1-27-45.

И по номеру можно дознаться,
Кто стоит на другой стороне,
Если взять телефонные святцы
И разгадку найти, как во сне,

И особенно позднюю ночью,
В час, когда по ошибке звонят,
Можно челюсть увидеть воочию,
Подбирая число наугад.

ИМЕНА

А ну-ка, Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром,
А как-нибудь иначе!
Не пытайтесь.

Еще Петру Великому придумайте
Другое имя!
Ничего не выйдет.

Встречался вам когда-нибудь юродивый,
Которого не называли Гришей?
Нет, не встречался, если не соврать.

И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что силы нет переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
У нас не зря про имя говорят: оно
Ни дать ни взять родимое пятно.

Недавно изобретена машинка:
Приставят к человеку, и - глядишь -
Ушная мочка, малая морщинка,
Ухмылка, крылышко ноздри, горбинка, -

Пищит, как бы комарик или мышь:

- Иван!

- Семен!

- Василий!

Худо, братцы,
Чужая кожа пристаёт к носам.

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

ЛАЗУРНЫЙ ЛУЧ

Тогда я запер на замок двери своего
дома и ушел вместе с другими.

Г.Уэллс

Сам не знаю, что со мною:
И последыш и пророк,
Что ни сбудется с землею,
Вижу вдоль и поперек.

Кто у мачехи-Европы
Молока не воровал?
Мотоциклы, как циклопы,
Заглотали перевал,

Щелестящие машины
Держат путь на океан,
И горячий дух резины
Дышит в пешех горожан.

Слесаря, портные, прачки
По шоссе, как муравьи,
Катят каторжные тачки,
Волокут узлы свои.

Потеряла мать ребенка,
Воздух ловит рыбьим ртом,
А из рук торчит пеленка
И бутылка с молоком.

Паралитик на коляске
Боком валится в кювет,
Бельма вылезли из маски,
Никому и дела нет.

Спотыкается священник
И бормочет:

- Умер бог, -

Голубки бумажных денег
Вылетают из-под ног.

К пристани нельзя пробиться,
И Европа пред собой
Смотрит, как самоубийца,
Не мигая, на прибой.

В океане по колена,
Белый и большой, как бык,
У причала роет пену,
Накреньясь, "трансатлантик".

А еще одно мгновенье -
И от Страшного суда,
Как надежда на спасенье,
Он отвалит навсегда.

По сто раз на дню, как брата,
Распинали вы меня,
Нет вам к прошлому возврата,
Вам подземка не броня.

- Ууу-ла! Ууу-ла! -

марсиане

Воют на краю Земли,
И лазурный луч в тумане
Их треножники зажгли.

НОВОСЕЛЬЕ

Исполнены диллювиальной веры
В извечный быт у счастья под крылом,
Они переезжали из пещеры
В свой новый дом.

Не странно ли? В квартире так недавно
Царили кисть, линейка и алмаз,
И с чистотою, нимфой богоравной,
Бог пустоты здесь прятался от нас.

Но четверо нечленов профсоюза -

Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей -
Контейнеры, трещавшие от груза,
Внесли, бахвалясь алчностью своей.

По-жречески приплясывая рьяно,
С молитвенным заклятием "Наддай!"
Втащили Попокатепетль дивана,
Малиновый, как перевозданный рай,

И, показав, на что они способны,
Без помощи своих железных рук
Вскочили на буфет пятиутробный
И Афродиту подняли на крюк.

Как нежный сгусток розового сала,
Она плыла по морю одеял
Туда, где люстра, как фазан, сияла
И свет зари за шторой умирал.

Четыре мужа, Анадиомене
Воздав смущенно страстные хвалы,
Ушли.

Хозяйка, преклонив колени,
Взялась за чемоданы и узлы.

Хозяин расставлял фарфор.
Не всякий
Один сюжет ему придать бы мог:
Здесь были:

свиньи,
чашки
и собаки,
Наполеон
и Китеж-городок.

Он отыскал собрание сочинений
Молоховец -
и в кабинет унес,
И каждый том, который создал гений,
Подставил, как Борей, под пылесос.

Потом, на час покинув нашу эру
И новый дом со всем своим добром,
Вскочил в такси
и покатил в пещеру,
Где ползал в детстве перед очагом.

Там Пень стоял - дубовый, в три обхвата,
Хранитель рода и Податель сил.
О, как любил он этот Пень когда-то!
И как берег! И как боготворил!

И Пень теперь в гостиной, в сердцевине
Диковинного капища вещей,
Гордится перед греческой богиней
Неоспоримой древностью своей.

Когда на праздник новоселья гости
Сошлись и дом поставили вверх дном,
Как древле - прадед,

мамонтовы кости

На нем
рубил
хозяин
топором!

*****

V

x x x

Позднее наследство,
Призрак, зук пустой,
Ложный слепок детства,
Бедный город мой.

Тяготит мне плечи
Бремя стольких лет.
Смысла в этой встрече
На поверку нет.

Здесь теперь другое
Небо за окном -
Дымно-голубое,
С белым голубком.

Резко, слишком резко,
Издали видна,
Рдеет занавеска
В прорези окна,

И, не узнавая,
Смотрит мне вослед

Маска восковая
Стародавних лет.

СТИХИ ИЗ ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ

*... О, мать Ахайя,
Пробудись, я твой лучник последний...
Из тетради 1921 г.*

Почему захотелось мне снова,
Как в далекие детские годы,
Ради шутки не тратить ни слова,
Сочинять величавые оды,

Штурмовать олимпийские кручи,
Нимф искать по лазурным пещерам
И гекзаметр без всяких созвучий
Предпочесть новомодным размерам?

Географию древнего мира
На четверку я помню, как в детстве,
И могла бы Алкеева лира
У меня оказаться в наследстве.

Надо мной не смеялись матросы.
Я читал им:

"О, мать Ахайя!"

Мне дарили они папиросы,
По какой-то Ахайе вздыхая.

За гекзаметр в холодном вокзале,
Где жила молодая свобода,
Мне военные люди давали
Черный хлеб двадцать первого года.

Значит, шел я по верной дороге,
По кремнистой дороге поэта,
И неправда, что Пан козлоногий
До меня еще сгинул со света.

Босиком, но в буденновском шлеме,
Бедный мальчик в священном дурмане,
Верен той же аттической теме,
Я блуждал без копейки в кармане.

Ямб затасканный, рифма плохая -
Только бредни, постылые бредни,
И достойней:
"О, мать Ахайя,
Пробудись, я твой лучник последний..."

х х х

Мы шли босые, злые,
И, как под снег ракета,
Ложилась мать-Россия
Под конские копыта.

Стояли мы у стенки,
Где холодом тянуло,
Выкатывая zenки,
Смотрели прямо в дуло.

Кто знает щучье слово,
Чтоб из земли солдата
Не подымали снова,
Убитого когда-то?

КОЛЫБЕЛЬ

Андрею Т.

Она:

Что всю ночь не спишь, прохожий,
Что бредешь - не добредешь,
Говоришь одно и то же,
Спать ребенку не даешь?
Кто тебя еще услышит?
Что тебе делить со мной?
Он, как белый голубь, дышит
В колыбели лубяной.

Он:

Вечер приходит, поля голубеют, земля сиротеет.
Кто мне поможет воды зачерпнуть из криницы глубокой?
Нет у меня ничего, я все растерял по дороге;
День провожаю, звезду встречаю. Дай мне напиться.

Она:

Где криница - там водица,
А криница на пути.
Не могу я дать напиться,
От ребенка отойти.
Вот он веки опускает,
И вечерний млечный хмель
Обвивает, омывает
И качает колыбель.

Он:

Дверь отвори мне, выйди, возьми у меня что хочешь -
Свет вечерний, ковш кленовый, траву-подорожник...

х х х

Под сердцем травы тяжелеют росинки,
Ребенок идет босиком по тропинке,
Несет землянику в открытой корзинке,
А я на него из окошка смотрю,
Как будто в корзинке несет он зарю.

Когда бы ко мне побежала тропинка,
Когда бы в руке закачалась корзинка,
Не стал бы глядеть я на дом под горой,
Не стал бы завидовать доле другой,
Не стал бы совсем возвращаться домой.

ЯЛИК

Что ты бредишь, глазной хрусталик?
Хоть бы сам себя побоег.
Не качается лодочка-ялик,
Не взлетает птица-нырок.

Камыши полосы прибрежной
Достаются на краткий срок.
Что ты бродишь, неосторожный,
Вдалеке от больших дорог?

Все, что свято, все, что крылато,
Все, что пело мне: "Добрый путь!" -
Меркнет в желтом огне заката.
Как ты смел туда заглянуть?

Там ребенок пел загорелый,
Не хотел возвращаться домой,

И качался ялик твой белый
С голубым флажком над кормой.

х х х

Река Сугаклея уходит в камыш,
Бумажный кораблик плывет по реке,
Ребенок стоит на песке золотом,
В руках его яблоко и стрекоза.
Покрытое радужной сеткой крыло
Звенит, и бумажный корабль на волнах
Качается, ветер в песке шелестит,
И все навсегда остается таким...
А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла.

БЕЛЫЙ ДЕНЬ

Камень лежит у жасмина.
Под этим камнем клад.
Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день.

В цвету серебристый тополь,
Центифолия, а за ней -
Вьющиеся розы,
Молочная трава.

Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.
Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.

Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Как был переполнен блаженством
Этот райский сад.

ДОЖДЬ

Как я хочу вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий обличье:
Травы неуловимое движенье,

Мгновенное и смутное величье
Деревьев, раздраженный и крылатый
Сухой песок, щебечущий по-птичьи, -

Весь этот мир, прекрасный и горбатый,
Как дерево на берегу Ингула.
Там я услышал первые раскаты

Грозы. Она в бараний рог согнула
Упрямый ствол, и я увидел крону -
Зеленый слепок грозового гула.

А дождь бежал по глиняному склону,
Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всем подобный Актеону.

У ног моих он пал на полдороге.

НА БЕРЕГУ

Он у реки сидел на камыше,
Накошенном крестьянами на крыши,
И тихо было там, а на душе
Еще того спокойнее и тише.
И сапоги он скинул. И когда
Он в воду ноги опустил, вода
Заговорила с ним, не понимая,
Что он не знает языка ее.
Он думал, что вода - глухонемая
И бессловесно сонных рыб жильё,
Что реют над водою коромысла
И ловят комаров или слепней,
Что хочешь мыться - мойся, хочешь - пей,
И что в воде другого нету смысла.

И вправду чуден был язык воды,
Рассказ какой-то про одно и то же,
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий.
И что-то было в ней от детских лет,
От непривычки мерить жизнь годами,
И от того, чему названья нет,
Что по ночам приходит перед снами,
От грозного, как в ранние года,
Растительного самоощущенья.

Вот какова была в тот день вода
И речь ее - без смысла и значенья.

ЗИМА В ДЕТСТВЕ

1

В желтой траве отплясали кузнечики,
Мальчику на зиму кутают плечики,
Рамы вставляют, летает снежок,
Дунула вьюга в почтовый рожок.
А за воротами шаркают пильщики,
И ножи-ножницы точат точильщики,
Сани скрипят, и снуют бубенцы,
И по железу стучат кузнецы.

2

Мерещится веялка

А в доме у Тарковских
Полным-полно приезжих,
Гремят посудой, спорят,
Не разбирают елки,

И сыплются иголки
В зеркальные скорлупки,
Пол серебром посолен,
А самый младший болен.

На лбу компресс, на горле
Копресс. Идут со свечкой.
Малиной напоили?
Малиной напоили.

В углу зажгли лампадку,
- И веялку приносят,
И ставят на площадку,
И крутят рукоятку.

И сыплются обрезки -
Жестянки и железки.
Вставай, пойдём по краю,
Я все тебе прощаю.

То под гору, то в гору
Пойдем в другую пору
По зимнему простору,
Малиновому снегу.

ФОНАРИ

Мне запомнится таянье снега
Этой горькой и ранней весной,
Пьяный ветер, хлеставший с разбега
По лицу ледяною крупой,
Беспокойная близость природы,
Разорвавшей свой белый покров,
И косматые шумные воды
Под железом угрюмых мостов.

Что вы значили, что предвещали,
Фонари под холодным дождем,
И на город какие печали
Вы наслали в безумье своем,
И какую тревогою ранен
И обидой какой уязвлен
Из-за ваших огней горожанин,
И о чем сокрушается он?

А быть может, он вместе со мною
Исполняется той же тоски
И следит за свинцовой волною,
Под мостом обходящей быки?
И его, как меня, обманули
Вам подвластные тайные сны,
Чтобы легче им было в июле
Отказаться от черной весны.

У ЛЕСНИКА

В лесу потерял я ружье,
Кусты разрывая плечами;
Глаза мне ночное зверье
Слепило своими свечами.

Лесник меня прячет в избе,
Сижусь я за кружкою чая,
И кажется мне, что к себе
Попал я, по лесу блуждая.

Открыла мне память моя
Таинственный мир соответствий:
И кружка, и стол, и скамья
Такие же точно, как в детстве.

Такие же двери у нас
И стены такие же были.
А он продолжает рассказ,
Свои стародавние были.

Цигарку свернет и в окно
Моими посмотрит глазами.
- Пускай их свястят. Все равно.
У нас тут балуют ночами.

х х х

Дом без жильцов заснул и снов не видит.
Его душа, безгрешна и пуста,
В себя глядит закрытыми глазами,
Но самое себя не сознает
И дико вскидывается, когда
Из крана бульба шлепнется на кухне.
Водопровод молчит, и телефон
Молчит.

Ну что же, спи спокойно, дом,
Спи, кубатура-сирота! Вернутся
Твои жильцы, и время в чем попало -
В больших кувшинах, в синих ведрах, в банках
Из-под компота - принесут, и окна
Отворят, и продуют сквозняком.

Часы стояли? Шли часы? Стояли.
Вот мы и дома. Просыпайся, дом!

СВЕРЧОК

Если правду сказать,
я по крови - домашний сверчок,
Заповедную песню
пою над печною золой,
И один для меня
приготовит крутой кипяток,
А другой для меня
приготовит шесток золотой.

Путешественник вспомнит
мой голос в далеком краю,
Даже если меня
променяет на знойных цикад.
Сам не знаю, кто выстругал
бедную скрипку мою,

Знаю только, что песнями
я, как цикада, богат.

Сколько русских согласных
в полночном моем языке,
Сколько я поговорок
сложил в коробок лубяной,
Чтобы шарили дети
в моем лубяном коробке,
В старой скрипке запечной
с единственной медной струной.

Ты не слышишь меня,
голос мой - как часы за стеной,
А прислушайся только -
и я поведу за собой,
Я весь дом подыму:
просыпайтесь, я сторож ночной!
И заречье твое
отзовется сигнальной трубой.

МУЗЕ

Мало мне воздуха, мало мне хлеба,
Льды, как сорочку, сорвать бы мне с плеч,
В горло вобрать бы лучистое небо,
Между двумя океанами лечь,
Под ноги лечь у тебя на дороге
Звездной песчинкою в звездный песок,
Чтоб над тобою крылатые боги
Перелетали с цветка на цветок.

Ты бы могла появиться и раньше
И приоткрыть мне твою высоту,
Раньше могли бы твои великанши
Книгу твою развернуть на лету,
Раньше могла бы ты новое имя
Мне подобрать на твоём языке, -
Вспыхнуть бы мне под стопами твоими
И навсегда затеряться в песке.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

...Как волна на волну набегают,
Гонит волну пред собой, нагоняема сзади волною,
Так же бегут и часы...

Ты ангел и дитя,
ты первая страница,
Ты катишь колесо прибой пред собой -
Волну вослед волне, и гонишь, как прибой,
За часом новый час - часы, как часовщица.
И все, что бодрствует, и все, что спит и снится,
Слетается на пир зелено-голубой.
А я клянусь тебе, что княжил над судьбой,
И хоть поэтому ты не могла не сбыться.

Я под твоей рукой, а под рукой моей
Земля семи цветов и синь семи морей,
И суток лишний час, и лучший месяц года,

И лучшая пора бессонниц и забот -
Спугнет тебя иль нет в час твоего прихода
Касатки головокружительный полет.

х х х

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все довоплотится,
И вам приснится все, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет послед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть - волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь - чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал - в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берет ребенка на колени.

*****

VI

СЛЕПОЙ

1

Зрачок слепца мутней воды стоячей,

Он пылью и листвою запорошен,
На роговице, грубой и незрячей,
Вращающийся диск отображен.
Кончался день, багровый и горячий,
И солнце покидало небосклон.
По городу, на каждом перекрестке,
На всех углах шушукались подростки.

2

Шумел бульвар, и толкотня росла,
Как в час прибоя волны океана,
Но в этом шуме музыка была -
Далекий перелет аэроплана.
Тогда часы, лишенные стекла,
Слепец, очнувшись, вынул из кармана,
Вздыхнул, ощупал стрелки, прямо в гул
Направил палку и вперед шагнул.

3

Любой пригорок для слепца примета.
Он шел сквозь шу-шу-шу и бу-бу-бу
И чувствовал прикосновенья света,
Как музыканты чувствуют судьбу, -
Случайный облик, тремоло предмета
Среди морщинок на покато лбу.
К его подошвам листья прилипали,
И все ему дорогу уступали.

4

Ты помнишь руки терпеливых швей?
Их пальцы быстрые и целлулоид
Ногтей? Ужель подобия клещей
Мерцающая кожа не прикроет?
В тугих тисках для небольших вещей
Иголка надломившаяся ноет,
Играют ногти, движутся тиски,
Мелькают равномерные стежки.

5

Коробка повернется костяная,
Запястье хрустнет... Но не такова
Рука слепца, она совсем живая,
Смотри, она колеблется едва,

Как водоросль, вполсвета ощущая
Волокна волн мельчайших. Так жива,
Что через палку свет передается.
Слепец шагал прямой канатоходца.

6

А был бы зрячим - чудачком сочли
За белую крахмальную рубашку,
За трость в руке и лацканы в пыли,
За высоко надетую фуражку,
За то, что, глядя на небо, с земли
Не поднял он рублевую бумажку, -
Пусть он на ощупь одевался, пусть
Завязывал свой галстук наизусть.

7

Не путаясь в громоздкой партитуре,
Он расчленил на множество ключей
Зыбучий свист автомобильных фурий
И шарканье актеров без речей.
Он шел как пальцы по клавиатуре
И мог бы, не толкая скрипачей,
Коснуться пышной шушеры балета -
Крахмальных фей и серпантина света.

8

Так не пугай ребенка темнотой:
На свете нет опасней наказания.
Он в темноте заплачет, как слепой,
И подберет подарок осязанья -
Уменьше глаз надавливать рукой
До ощущенья полного сиянья.
Слепцы всегда боялись глухоты,
Как в детстве мы боимся темноты.

9

Он миновал гвоздикой населенный
Цветочный домик посреди Страстной
И на вертушке в будке телефонной
Нащупал буквы азбуки стальной.
Слепец стоял за дверью застекленной.
Молчала площадь за его спиной,
А в ухо пела нежная мембрана

Немного глухо и немного странно.

10

Весь голос был почти что на виду,
Почти что рядом - на краю вселенной.
- Да, это я, - сказал слепец. - Иду. -
Дверь отворил, и гул многоколенный
На голоса - на тубу, на дуду,
На сотни флейт - распался постепенно.
Слепой лицом почувствовал: само
В руках прохожих тает эскимо.

11

Он тронул ребра душного трамвая,
Вошел и дверь задвинул за собой,
И сразу, остановки называя,
Трамвай скользнул по гладкой мостовой.
С передней встали, место уступая.
Обиженный обычной добротой,
Слепец, садясь, едва сказал "спасибо",
Окаменел и рот открыл, как рыба.

12

Аквариум с кисельною водой,
Жилище рыб и спящего тритона,
Качающийся ящик тепловой,
Колокола и стены таксофона,
И желтый свет за дверью слюдяной -
Грохочущий аквариум вагона.
И в этой тесноте и суете
Был каждый звук понятен слепоте.

ЧУДО СО ЩЕГЛОМ

(поселковая повесть)

Врач: Я две ночи нес наблюдение вместе с вами, но не вижу ни малейшего подтверждения вашему рассказу. Когда она бродила последний раз?

Придворная дама: С тех пор, как его величество выступил в поход, я видела не однажды, как она вставала, накидывала на себя ночной халат...

.....

... Смотрите, вот она идет!

Шекспир. "Макбет"

1

Снимал я комнату когда-то
В холодном доме на Двдцдтой
Версте, *1) а зд мойей стеной
Нескромно со своей женой
Питомец жил консерваторский,
Пел как Шдлдяпин и Кдсторский,
Но громче и, как Рейзен, в нос.
В передней жил облезлый пес,
Пушком звдл его хозяйкд.
Онд была, как балдллкд,
Всд - вниз. Вверху торчдл пучок
Величиною с пдтдчок,
Седой, но рыжей краской крашен.
Лбд не было, и чем-то страшен
Был осторожный, будто вор,
Хозяйки дщеричий взор.
Со всею желтизной своею
Лицо переходило в шею
И, чуть расширившись в плечдх,
Как вдоль по грифу, второпдх
Внездпно раздавалось тело
И доходило до предела
Своих возможностей. Онд
Былд смертельно влюблена
В соседа моего - из клдссд
Вокального - красавца бдсд.

2

Ах, Шуберт, Шуберт! Твой "Двойник" *2)
В рдструб ее души проник,
И рокотдл, и сердце рднил,
И душу страстную тирднил.
Хозяйкд бедндд всю ночь
Глддит нд дверь певцд - точь-в-точь
Злосчдстный евнух, стрджд гарема,
Стоит и всхлипывает немо,
Сжимддет кулдкдми грудь,
И только в горле бьется ртуть.

Я что ни дедь твердил соседям:
- Друзья, ддддите переедем.
Не соблдзндйте малых сих
Пылднием сердец своих. -

А бас и хрупкое сопрано
В ответ со своего дивана
Хохочут так, что спасу нет,
Кричат:

- Да ну тебя, сосед!

3

Однажды, синий от мороза,
Я брел со станции домой.
Добрел, и тут же за Ломброзо, *3)
Сижу, читаю...

Боже мой!

Свечи мигающее пламя
Ужасный образ создает:
С его нечистыми глазами,
С его петлистыми ушами,
Как в гробовой сосновой раме,
В дверях Преступный Тип встает.
- Налоги за истекший год
И за дрова внести мне надо.
Я получить была бы рада
Не то чтоб за ыевраль вперед,
Хоть за январь мне заплатите,
Коль нежелательных событий
И впрямь хотите избежать.
Итак, я жду. С вас двадцать пять.

О, эта жизненная проза
И уши - две печати зла!
Антропология Ломброзо
Вдруг подтверждение нашла.
Хозяйка хлопнула дверями
И - прочь! Колеблемое пламя
Слетело с фитиля свечи,
Свеча погасла, и завыло
Все окаянное, что жило
Внутри нетопленной печи -
Те упыри, те палачи,
Что где-то там, в ночи унылой,
Терзают с неизбывной силой
Преступных Типов за могилой.
А за окошком тоже выло:
Плясала по снегу метель,
Ее дурманил свежий хмель,
Она плясала без рубашки,

Бесстыже выгибая ляжки,
Снежинки из ее баклажки,
Как сторублевые бумажки,
Метались, клювами стуча
В стекло.

Где спички? Где свеча?

4

Я - к двери баса и сопрано.
Казалось мне, что я кричу,
А я едва-едва шепчу:
- Кто у меня задул свечу?
Кто спички выкрал из кармана?
Кто комнаты сдает внаем,
А в комнатах температура
Плюс пять? Преступная Натура
Нарочно выстудила дом:
Ангина хватит, а потом
Прости-прощай колоратура.
Все - Балалайка! У нее
В буфете между чайных ложек
Отточенное лезвие
Захоронил сапожный ножик,
Она им режет кур. Она
В уме своем повреждена.
В ее глазах горит угроза
Убийства. От ее ушей
Злодейством тянет. Сам Ломброзо
Ушей петлистей и страшней
Вовек не видел. Бойтесь мести!
На почве зла рождается зло.
Бежим! Бежим! Я с вами вместе!
Увязывайте барахло!

Тут я упал в передней на пол.
Не знаю, сколько я лежал,
Как долго пес лицо мне лапал
И губы языком лизал.
Меня в постель перетащили.
Хинином душу мне глушили,
Гасили снегом жар во лбу,
А я лежал, как труп в гробу.

Моя болезнь гнилой горячкой
Слыла тому сто лет назад.

Стояла смерть в углу за печкой,
И ведьмы обложили сад,
И черти по стене скользили,
Усевшись на свои хвосты,
И с непомерной высоты
К постели жмурики сходили:
- Погибли мы, и ты погиб!
Угробит всех Преступный Тип!

5

Зима прошла. Весною ранней
Очнулся я - один, один,
Без помощи, в сплошном тумане,
В дурмане, без гроша в кармане...
За стенкой - тихо на диване,
И всюду тихо. Из глубин
Души нахлынув, слезы льются...

Дверь настезь! Вижу донце блюда
И руку. Слышу:

- Гражданин!

Возьмите огурец соленый! -
И блюдце брякнулось на стул,
И все затихло. Пораженный
Явленьем жизни возрожденной,
Не выплакавшись, я заснул.

Соседка с мужем возвратилась
Домой, когда уже в окне
Луна сквозь облачко светилась.
И что она сказала мне?

- Какая радость! Ваша милость
Для новой жизни пробудилась!
Ура, ура! Мы с муженьком
Сейчас напоим вас чайком.

Весна была, как Боттичелли,
И лиловата, и смутна.
Ее глаза в мои глядели
Из приоткрытого окна,
Ополоумев, птицы пели,
Из сада муравьи ползли.
Так снизошло к моей постели
Благословение земли.

6

Настал июнь, мой лучший месяц.
Я позабыл угарный чад
Своих январских куролесиц,
Метелей и ломброзиад.
Жизнь повернуло на поправку:
Я сам ходил за хлебом в лавку,
На постном масле по утрам
Яичницу я жарил сам,
Сам сыпал чай по горсти в кружку
И сам себе добыл подружку.
Есть в птичьем горлышке вода,
В стрекозьем крылышке - слюда, -
В ней от июня было что-то,
И после гласных иногда
В ее словах звучала йота:
- Собайка -
    - Хлейб -
        - Цвейты -
            - Звейзда.

Звучит - и пусть! Мне что за дело!
Хоть десять йот! Зато в косе
То солнце ярко золотело,
То вспыхивали звезды все.
Ее душа по-птичьи пела,
И в струнку вытянулось тело,
Когда, на цыпочки привстав,
Она вселенной завладела
И утвердила свой устав:
- Ты мой, а я твоя. -
    И в этом
Была основа всех основ,
Глубокий смысл июньских снов,
Петрарке и другим поэтам
Понятный испокон веков.

7

Искать поэзию не надо
Ни у других, ни в словарях,
Она сама придет из сада
С цветами влажными в руках:
- Ух, я промойкла в размахайке!
Сегодня будет ясный день!

Возьми полтийник и хозяйке
Отдай без сдaiчи за сирень! -
Еще словцо на счастье скажет,
Распустит косу, глаз покажет,
Все, что намокло, сбросит с плеч...

О этот взор и эта речь!

И ни намека на Ломброзо
Нет в этих маленьких ушах,
И от крещенского мороза -
Ну хоть бы льдинка в волосах:
Сплошной июнь!

За йотой йота

Щебечет, как за нотой нота,
И что ди день -

Одна забота:

Сирень - жасмин,
жасмин - сирень...

8

Соседям Йота полюбилась.

Они сказали:

- Ваша милость!

Давайте чай квартетом пить! -

Она им:

- Так тому и быть! -

Мы дружно пили чай квартетом,

Боялись выйти со двора

И в доме прятались: тем летом

Стояла дикая жара.

Хрустела глина в переулке,

Свернулась жухлая листва,

В канавах вымерла трава,

А в небо так забили втулки,

Что нам из влажных недр его

Не доставалось ничего.

Зной, весь в дыму, стоял над миром,

И был похож окрестный мир

На рыбу, прыщущую жиром,

В кипящий ввергнутую жир.

Но зною мы не поддавались,

Водою с милой обдавались,

И пили чай, и целовались

(Мы, и целуясь, пили чай

Полуодетые), и это

Был островок в пожаре лета,

И это было сущий рай.

Но, занятые чаепитьем,
Мы, у соседей за столом,
Потрясены одним событьем
Однажды были вчетвером.
Вошла хозяйка. Станным взглядом,
Как Вий, окинула певца.
Глаза, впечатанные рядом
В пергамент желтого лица,
Горели отраженным адом,
И нож сверкал в руке. Она
Была почти обнажена.
Не скрыв и половины тела,
Хламида на плече висела,
Распущен был седой пучок,
Пот по увядшей коже тек.
Она воскликнула:

- Зачем он

В мой дом проник с женой своей?
Оставь, оставь ее, мой Демон.
А ты сокройся от очей,
Змея, чернавка, сербиянка,
Цыганка, ведьма, персиянка,
И подходить к нему не смей!
Что сделал ты со мной, злодей?
Кто я теперь? Двойник, воспетый
Тобой самим в проклятый день!
Меня казнят - и пусть! За Летой
С тобой моя пребудет тень.
Умри ж! -

На стул хозяйка села,
И нож сапожный уронила,
И в сторону сползла со стула,
И на пол замертво упала.
Тогда с лицом бледнее мела,
Дрожа от ужаса, певец
Вскочил и крикнул:

- Я подлец!

Она моей любви хотела,
А я плевал на это дело,
И вот теперь она мертва! -
А милая моя сидела,
Она ничуть не побледнела,
Чай допила, калач доела
И молвила:

- Она жива. -

Вскричал певец:

- Что делать будем?

Как я теперь - источник зла -

Посмею показать людям?!

Моя подружка изрекла:

- Давайте куйпим ей щегла!

9

Дождь грянул наконец. Он длился
Как птичья песнь. Он так плясал
И так старался, так резвился,
Что мир окрест преобразился
И засверкал, как бальный зал.
Гром, как державинская ода,
По крыше ямбом грохотал;
В поселке ожила природа,
С омытых листьев пыль стекла,
И блеск хрустального стекла
Приобрели углы и грани
Прекраснейшего из числа
Неисчислимых мирозданий.
Ушли Стрелки-Громовики,
Дождь перестал. Переходили
Потоки вброд и воду пили
В кустах смородины жуки,
И без мучительных усилий
Росли грибы-дождевики.

Хозяйка наша в это время
Сидела в комнате своей.
Ее не тяготило бремя
Былых томительных ночей
И дней безрадостных. На темя
И стан ее, согнав печаль,
Слетела розовая шаль
Спокойствия и упований,
Хозяйке неизвестных ране.
И что теперь ей до того,
Кто спит с женою на диване,
Не видя больше никого?
Она не держит на заметке -
Ушел певец или пришел -

Повержен ревности престол:
Перед лицом хозяйки в клетке
Поет и прыгает щегол!
Он для нее слагает стансы,
С утра впадает в забытье
И в забытии поет романсы,
Танцует танцы для нее.
Щегол хорош, как шелк турецкий!
Чуть он прищелкнет:

- Цо-цо-цо! -

Заулыбается по-детски
Порозовевшее лицо.
Прищелкнув, засвистит, как флейта:
- Фью-фью! -

И глянет: каково?

Что басовитый голос чей-то
В сравненье с дискантом его?
Чушь, чушь!
А в комнате порядок,
Блестит зеркальным огоньком
Комод с фарфоровым котом,
Натерты крышки всех укладок
Полировальным порошком;
Кругом крахмал, и ни пылинки,
А что за платье в будний день!
А розочки на пелеринке -
Как было вышивать не лень!

Ах ты щегол, колдун, волшебник,
Носитель непонятных сил!
Какому ты - живой учебник -
Хозяйку счастьем научил!
С тобою белый день белее,
А ночью белого белей
Свободно плещут крылья феи
В блаженной комнате моей.